
Елена Энке
Сердце моря
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Елена Энке

Сердце моря

https://litres.ru/74809607
SelfPub; 2026

Аннотация

Жемчужина пульсирует на шее. Он остался там, за гранью миров. Она вернулась домой, но что-то тянет её обратно. «Сердце моря» — продолжение истории о любви, где недостаточно пересечь границу — нужно суметь остаться.

Елена Энке
Сердце моря

Глава 1. Пустота

Голова гудела, к горлу подступала тошнота, тяжелая, тягучая, как болотная жижа.

Я стояла в ванне, подставив лицо горячим струям. Вода стекала по волосам, по плечам, струилась по спине, смывала, уносила усталость и пустоту.

Я машинально намылилась, механически, не думая. Провела руками по скользким от мыла бёдрам, по животу, по шее… И зацепилась пальцами за что-то тонкое.

Цепочка.

Я замерла. Дыхание споткнулось, застряло где-то между рёбер. Пальцы нащупали маленький металлический замочек, а ниже — что-то круглое, тёплое и живое.

Жемчужина.

Я открыла глаза и посмотрела вниз. Розовая, переливающаяся, светящаяся изнутри, она лежала на моей груди, прямо под ключицами, и пульсировала. Медленно, ровно, как второе сердце.

Люциус.

Ноги подкосились, и я сползла по кафельной стене на пол — медленно, словно во сне, обхватила колени руками, сжалась в комок. И меня прорвало.

Слёзы хлынули, горячие, солёные, смешиваясь с водой, стекавшей по лицу. Я рыдала так, как не рыдала никогда: беззвучно, судорожно, всем телом. Горло сжалось, воздух застрял где-то в горле, не вдохнуть, не выдохнуть. Только дрожь, только всхлипы.

Сколько слёз я уже пролила из-за этого мужчины? Сколько раз моё сердце рвалось пополам, разбивалось на куски, на осколки? Сколько раз собиралось заново — криво, косо, с трещинами? И вот теперь — разбилось окончательно, раскололось, рассыпалось.

Лучше бы всё это было сном.

Я шептала это как молитву, как заклинание, как последнюю надежду. Лучше бы сном. Лучше бы сном. Лучше бы сном. Но жемчужина жгла кожу сквозь пальцы. Она была здесь, на мне.

Выключив воду, я просидела в ванной ещё около часа, пока она не стала холодной, пока кожа не покрылась мурашками, пока слёзы не закончились. Все, до последней. Потом встала, вытерлась, надела халат, и пошла в спальню.

Макс спал. На спине, раскинувшись на всю кровать, как всегда, телефон лежал рядом на тумбочке, экран погас. Он не дождался, когда я вернусь из ванной. Он даже не заметил, что меня не было несколько часов. Несколько дней? Несколько месяцев? Не заметил, что меня не было в этом мире.

Я стояла в дверях и смотрела на него, на этого мужчину,

который когда-то казался почти родным. Три года вместе. Три года ужинов под телевизор, молчания за завтраком, вечеров, когда он играл в приставку, а я читала. Три года привычки. А ведь когда-то я его любила или думала, что любила, когда-то, в другой жизни.

Сейчас он был чужим.

Я не хотела ложиться рядом, не могла, не хотела чувствовать его тепло, его дыхание, его тело. Всё это было неправильно, всё это было не моё. Я развернулась и пошла в гостиную, легла на диван, укрылась пледом, и уставилась в потолок. Геральт запрыгнул следом, улёгся мне на грудь, и я обняла его крепко-крепко, он недовольно мяукнул, но не ушёл.

Сна не было. Только водоворот мыслей, обрывки, образы, голоса. Его руки на моей талии, его губы на моей шее, его тёмные, глубокие глаза с вертикальными зрачками, которые сужались, когда он смотрел на меня. Его низкий голос, с этим вечным шипением.

«Ты нужна мне как воздух. Как волнам прибоя нужны скалы».

Я закрыла глаза, потом открыла. Потолок был тот же, трещинка в углу та же, пыль на люстре та же. Но внутри меня всё было другое.

Утром я на автомате встала раньше будильника. Душ, кофе, джинсы, кроссовки, хвост, метро, офис.

Всё как всегда. Всё как раньше.

Только меня там не было.

Я сидела за своим столом, уставившись в монитор. Excel-файл был открыт. Цифры в нём плыли, расплывались, превращались в бессмысленный набор символов. Я моргала, пыталась сосредоточиться. Не получалось, мысли путались.

Перед этим, утром, в ванной, я стояла перед зеркалом, и вдруг поняла, что чего-то не хватает.

Очков не было, но я видела, видела без них, чётко. Каждую трещинку в кафеле. Каждую пылинку на полке. Каждый волосок на своей руке.

Этого не могло быть.

Я стояла перед зеркалом и смотрела на себя, на своё лицо, на свои глаза, на мир вокруг, который был резким, ярким, детальным, и понимала: вчера, когда я нашла жемчужину, я ещё сомневалась. Думала может всё таки показалось. Мало ли что бывает, когда спишь на столике в кафе, после странного чая и видишь странные сны. Но сегодня, сидя здесь, без очков, которые я носила с детства, я окончательно убедилась: всё это было. Не сон, и не бред, и не игра воображения.

Он был. Тот мир был. И я вернулась оттуда другой.

Коллеги ходили мимо, что-то говорили. Я не слышала. Как будто звук выключили. Или я находилась глубоко-глубоко под водой, где не слышно ни голосов, ни шагов, ни смеха.

— Мари?

Я подняла голову. Передо мной стояла девушка из соседнего отдела. Она хмурилась, вглядываясь в моё лицо.

— Ты неважно выглядишь. Ты не заболела? Может тебе

лучше пойти домой?

Я открыла рот. Хотела сказать «нет, всё нормально». Но слова застряли в горле. Потому что это было бы ложью, а я устала от вранья.

— Да, — ответила я. — Я лучше пойду домой.

Она кивнула, не задавая вопросов. Наверное, вид у меня был такой, что лучше не спрашивать.

Дорога домой была как в тумане. Метро, эскалатор, улица, подъезд, лифт. Я не помнила, как дошла. Просто в какой-то момент оказалась в квартире. Макс был на работе. Геральт спал на подоконнике.

Я упала на диван. Не ела с самого утра, но и не хотела. Голода не было — только гулкая пустота внутри.

Я провалилась в сон. И там снова был тот мир. Море, замок, его глаза, его руки, его голос…

« Вдали от тебя весь мир кажется мне пустыней».

Я проснулась в холодном поту. Сердце колотилось, на щеках опять слёзы. Я встала и пошла на кухню, налить себе воды. Посмотрела в окно на серый город, на серое небо, на серых людей, которые шли по улице. Обычные люди. Обычная жизнь.

А я с жемчужинкой на шее и огромной дырой в груди. С его именем на губах.

Как это прекратить?

Я не знала.

Я вернулась на диван. Легла, закрыла глаза и стала ждать.

Чего? Не знаю. Может, следующего сна. Может, следующего пробуждения. Может, чего-то, что изменит всё.

Но ничего не менялось.

Часы сменялись сутками. Сутки неделями. Сколько я уже так провалялась? Бесцельно бродя по квартире, не включая свет, не открывая шторы. Я ходила на работу как зомби — механически, на автомате, забивая на задачи, которые копились и копились. Всё одно и то же. Всё по кругу.

Я пыталась есть. Брала книгу в руки, но не видела букв, они расплывались, как в тумане. Макс что-то хлопотал рядом. Говорил, что надо сходить к врачу. Может, новый странный вирус. Может, гемоглобин упал. Надо проверить-ся.

Его голос раздражал. Всё в нём раздражало. Как он жуёт, как дышит, как спрашивает «ты как?» — каждое утро, одинаково. Что ему от меня вообще надо?

В один из вечеров я не выдержала.

— Нам надо расстаться, — выпалила я.

Голос прозвучал ровно. Без дрожи, без слёз, без истерики. Я сама его не узнала, как будто говорила не я, а кто-то другой.

Макс сидел на диване, с телефоном в руке. Он поднял голову. Не сразу, через секунду или две. Слова дошли до него не мгновенно, а с задержкой.

— Ты шутишь, — сказал он.

Он даже не отвел взгляд от экрана.

— Нет.

— У нас ведь всё хорошо, — он нахмурился, отложил телефон наконец, но не встал, остался сидеть в той же позе. — Почему? Что случилось?

Я смотрела на него, на его лицо, знакомое до последней морщинки, до последней родинки. Три года я просыпалась рядом с этим лицом. Знала, как он морщится, когда чистит зубы. Как хрустит пальцами, когда нервничает. Как говорит «угу», не отрываясь от телефона.

Сейчас он был чужим.

— Просто я так больше не могу.

Он неуверенно усмехнулся, как будто ждал, что я тоже улыбнусь. Скажу, что это шутка. Что сейчас я скажу «ладно, проехали» и уйду на кухню варить кофе.

Но я не улыбнулась.

— То есть ты сейчас серьёзно? — его голос изменился, стал выше, тоньше, в нём появилась трещина. — Мари, у нас ведь всё хорошо, мы вместе три года и ни разу не ссорились. Что-то случилось? Я сделал что-то не так?

— Ничего. Ты ничего не сделал.

— Тогда почему?

Я молчала. Потому что не могла объяснить. Как объяснить человеку, что ты была в другом мире? Что ты любила другого? Что твоё сердце разбито — не им? Как объяснить, что ты больше не та женщина, которая засыпала рядом с ним три года?

— Я не знаю, что сказать, — сказала я наконец. — Просто... я так больше не могу.

Он встал. Подошёл. Попытался взять меня за руку — я отстранилась. Он замер.

— Это по тому, что я не зову тебя замуж?

— Господи нет, я не хочу замуж! — начала повышать голос я.

— Мари, — сказал он шёпотом. — Ты устала. С тобой что-то происходит. Давай сходим к врачу. Может, это депрессия. Может, гормоны. Может...

— Макс.

— Что?

— Я не люблю тебя! Уже давно. Просто не замечала.

Тишина повисла в воздухе. Он смотрел на меня, и в его глазах что-то медленно гасло.

— Ты не можешь так просто... — начал он.

— Могу.

— Это нечестно.

— Знаю.

— Ты даже не хочешь попробовать?

Я посмотрела на него. На его растерянное, обиженное лицо. Он не понимал, он правда не понимал. Для него ничего не произошло. Мир не переворачивался.

— Я устала.

Я развернулась и пошла в спальню. Он что-то говорил вслед, я уже не слушала. Закрыла дверь и села на кровать.

Геральт тут же запрыгнул на колени, ткнулся носом в ладонь.

Я гладила его. Просто водила рукой по шерсти туда-сюда. И чувствовала, как внутри меня что-то понемногу затихает.

Я не плакала. Не чувствовала ни боли, ни вины, ни облегчения. Только пустоту. Гулкую, ровную, как поверхность воды в безветренный день.

Геральт мурлыкал тихо и уютно.

— Только ты у меня остался, — прошептала я ему в ухо. — Ты да я.

Он медленно моргнул. Как будто понял.

А за дверью Макс всё ещё что-то говорил. Ходил по гостиной. Я слышала его монотонные шаги.

Я закрыла глаза. И позволила себе просто сидеть с котом в тишине.

Макс съехал.

Тихо, без скандалов, без выяснения отношений. Без слёз — моих или его. Как и всё в наших отношениях: без страсти, без боли, без жизни. Он собрал вещи в две сумки, вызвал такси и уехал. На прощание сказал: «Ты знаешь, где меня найти, если передумаешь». Я не ответила. Просто стояла в дверях и смотрела, как он спускается по лестнице.

И ничего не почувствовала. Дверь закрылась, я осталась одна с Геральтом.

Я легла на диван, уставилась в потолок. Трещинка в углу, пыль на люстре. Всё то же. Всё как раньше. Только теперь ещё тише. И ещё пустее.

Скоро отпустит. Скоро я всё забуду. Скоро это перестанет болеть.

Я повторяла это каждый день. Как мантру. Как заклинание. Как будто если сказать достаточно раз, это станет правдой. Но правдой это не становилось. Боль не уходила. Память не стиралась. Он не исчезал.

Я видела его во снах каждую ночь. Его руки, его глаза, его голос. «Ты — свет. Ты — воздух. Ты — всё.». Я просыпалась в холодном поту с его именем на губах, с мокрыми щеками. И с жемчужиной, которая пульсировала на моей груди — ровно, медленно, как второе сердце.

Я не снимала её, не могла. Расстаться с ней было равноценно сумасшествию. Я цеплялась за неё, как за единственное доказательство того, что всё это было правдой. Что тот мир существовал. Что он существовал. Что я не сошла с ума. Что моя любовь была настоящей.

А потом жемчужина начала пульсировать быстрее.

Я лежала на диване, как обычно глядя в потолок, когда почувствовала, что ритм изменился. Раньше он был ровным, спокойным. Как дыхание спящего. Теперь быстрым и сбивчивым.

Я села, приложив ладонь к груди. Жемчужина под пальцами была горячей. Не тёплой как раньше — горячей. Пульсировала быстро, как сумасшедшая.

Нет, мне это не кажется.

Я встала и прошлась кругом по комнате. Жемчужина не

унималась. Она нагревалась всё сильнее. Я чувствовала её тепло, как оно разливалось по коже, по груди, по рёбрам. И её пульс стал быстрее, ещё быстрее.

Грёбаная магия. Что б её.

Я села обратно на диван. Обхватила себя руками и стала ждать. Как тогда в душе. Как тогда в гостиной. Как тогда в первый день. Ждать, просто ждать.

Жемчужина пульсировала несколько часов. Я не спала,не ела, не пила. Просто сидела и чувствовала, как она бьётся — быстро, отчаянно, как будто звала. Как будто просила о помощи. А потом затихла.

Резко, мгновенно, как будто кто-то выключил рубильник.

Я посмотрела на неё. Розовая, переливающаяся, светящаяся изнутри, но теперь тусклее.

Что это было?

Я не знала, и узнать было неоткуда, но под рёбрами поселился холод, ровный, тревожный, будто где-то случилось нечто, о чём мне ещё не сказали, но я уже это чувствовала. Я взяла телефон и открыла сообщения: там не было ничего, пусто, как и всегда. Я смотрела на экран, на список контактов, имена, номера — и понимала, что звонить некому: подруги меня не поймут.

Я отложила телефон, легла и закрыла глаза.

Дни шли.

Медленно, одинаково, как вагоны поезда — один за другим, без конца. Я просыпалась, шла на работу, сидела в офи-

се, возвращалась, ложилась, смотрела в потолок, засыпала. И снова то же самое.

Только мысли не отпускали.

Они крутились в голове по кругу, как заезженная пластинка. Иногда я думала: может, я погорячилась? Может, не стоило так резко? Может, надо было выслушать? Может, всё было не так, как мне показалось?

Но потом гордость поднимала голову и кричала.

Он тебя обманул!

Да, обманул. Не сказал о помолвке. Не сказал, что у него есть невеста. Не сказал, что между ними договор, подписанный отцами, обязательства, которые он не может разорвать. Просто молчал, смотрел на меня своими тёмными глазами, целовал. Говорил, что я — воздух. Что без меня — пустыня. И молчал.

У него есть невеста. Длинноногая красотка Сильрия.

Я вспомнила бал. Как она подошла к нему. Как поправляла воротник его камзола — медленно, почти интимно, как будто имела на это полное право. Как смотрела на него. Как улыбалась. Как сказала: «О, привет, Люц. Давненько не виделись».

Ни одна женщина не стала бы так вольно поправлять воротник мужчине, с которым у неё ничего не было.

Я прокручивала этот момент в голове снова и снова. Как плёнку, кадр за кадром. Её пальцы на его шее, его непроницаемое и холодное лицо. Он ведь не отстранился, не убрал

тогда её руку. Не сказал «не надо». Просто стоял и позволял.

Они точно были любовниками.

Мысль обжигала как кипяток. Как удар хлыста. Я представляла их вместе в постели. В его замке, в его комнате, на его кровати. И внутри меня что-то переворачивалось. Что-то тёмное, злое. Ревность — жгучая и липкая, как смола.

А я обычная человечка. Поигрался и хватит.

Он бессмертный, ему сотни лет. А я — Мари из офиса. С красным дипломом, с котом, с ипотекой, с работой, которую ненавижу. Со скучной, серой, обычной жизнью.

Я ему не пара.

Я состарюсь уже через двадцать лет. Морщины, седые волосы, дряблая кожа… А он нет. Он останется таким же молодым, красивым и опасным. А Сильрия, она тоже фейри, тоже бессмертная. Она будет такой же красоткой и через сто лет. И через двести. И через тысячу.

Раскатала губу. Поверила в его сладкие слова. Повелась на красивое тело. На широкие плечи. На V-образные мышцы. На его голос. На его руки. На его «ты нужна мне как воздух».

Я сама виновата. Сама. Не он. Только я. Какая же я была дура!

Я лежала на диване и смотрела в потолок. Геральт спал рядом, свернувшись клубком и мурлыкал. Тёплый, единственный, кто у меня остался.

Сама виновата. Вот и получай.

Я повернулась на бок, подтянув колени к груди. Обхвати-

ла себя руками, как будто пыталась собрать себя заново. Из осколков. Из кусков. Из того, что осталось. Но ничего не собиралось.

Это не он во всём виноват. Это я.

Я злилась. Ох как злилась. На себя, на свою глупость, на свою доверчивость. На то, что поверила. На то, что влюбилась. На то, что позволила себе быть счастливой, хоть на минуту, хоть на день. На то, что забыла: счастье не для таких, как я. Счастье для красивых, для бессмертных, для длинноногих блондинок с холодными глазами.

А для меня — серый город, серое небо, серый офис, серый диван, серые стены.

Я злилась так, что хотелось кричать. Бить посуду, ломать мебель, разнести всю квартиру к чёртовой матери. Но я не могла, не было сил, только лежать. Смотреть в потолок и злиться. Тихо, беззвучно, на саму себя.

В этом приступе гнева жемчужина отозвалась снова.

Я лежала, уткнувшись лицом в подушку, и пережёвывала свою злость — по кругу, по спирали, снова и снова, — когда почувствовала, как что-то дёрнулось на груди. Раз. Другой. Третий. Резко и настойчиво, как будто кто-то бил изнутри жемчужины маленькими кулачками по ребрам.

Я подняла голову и посмотрела вниз.

Жемчужина подпрыгивала. Буквально. Она подскакивала на цепочке, ударяясь о мою ключицу, и свет внутри неё пульсировал так ярко, что отбрасывал розовые блики на по-

толок. Подушка под головой, стены, мои руки — всё стало розовым.

Я села.

— Да господи, хватит! — вырвалось у меня.

Я схватила жемчужину. Сжала в кулаке, она была горячей. Почти обжигала ладонь. И пульсировала так, что казалось сейчас выпрыгнет. Как старый металлический будильник, который не могут выключить.

— Прекрати! Немедленно!

Она не прекратила. Наоборот пульс участился. Я чувствовала его не только ладонью, но и грудью. Он отдавался в рёбрах, в позвоночнике, в висках. Как будто что-то происходило. Что-то, чего я не видела. Что-то, что было там.

— Что ты от меня хочешь? — прошипела я. — А? Что?

Жемчужина дёрнулась особенно сильно. Подпрыгнула. Больно стукнула меня по груди.

Я села. Сжала её обеими руками. И замерла.

Может, это не просто так. Может, это знак. Может...

Стоп. Стоп. Стоп, Мари.

Я разжала руки. Жемчужина лежала на моей ладони — розовая, переливающаяся, светящаяся изнутри. И пульсировала всё быстрее и отчаяннее.

Это магия. Просто магия. Грёбаная магия. Она реагирует на мои эмоции. На злость, на гнев. Вот и всё.

Я попыталась успокоиться. Глубокий вдох. Выдох. Ещё раз. Мееедленно. Как учили в детстве. Как я делала, когда

паниковала перед экзаменами. Вдоооох. Выыыыдох.

Жемчужина не унималась.

Ладно. Другой способ.

Я встала и пошла на кухню. Налила воды, выпила. Заставила себя съесть кусок чёрствого хлеба, на вкус он был сухой и безвкусный, как картон. Села на стул, уставилась в стену.

Жемчужина пульсировала.

— Ну и пожалуйста, — сказала я вслух. — Пульсируй. Мне-то что. Я не буду реагировать.

Я не реагировала. Просто сидела и смотрела в стену. А жемчужина всё билась на моей груди как сумасшедшая, как птица в клетке. Как что-то, что хотело вырваться и не могло.

Я просидела так час, может, два. Время текло мимо, я не считала. Просто сидела и ждала пока жемчужина устанет. Пока она выдохнется, пока она поймёт, что я не буду реагировать.

Она не уставала.

Тогда я встала и пошла в спальню. Достала с верхней полки старую бабушкину шкатулку, деревянную, с резной крышкой. Открыла, и внутри, среди старых украшений — бабушкиных серёг, бус из янтаря, каких-то цепочек — я сняла с шеи жемчужину. Цепочка поддалась не сразу, будто не хотела расставаться. Но я потянула сильнее, и она соскользнула, упав в шкатулку.

Я захлопнула крышку.

Жемчужина дёрнулась. Шкатулка подпрыгнула на месте,

и в этот момент я услышала странный щелчок. Что-то внутри неё сработало. Я прижала крышку ладонью, но любопытство уже взяло верх.

— Лежи, — сказала я, но уже открывала шкатулку.

Жемчужина внутри пульсировала, но я смотрела не на неё. Дно шкатулки вдруг отскочило, открывая узкую щель. Двойное дно. Видимо от того, что в шкатулке запрыгала жемчужина сработала запирающая пружинка и механизм случайно открылся. Я замерла, потом осторожно запустила туда пальцы и нащупала что-то твёрдое и холодное.

Кольцо.

Обручальное кольцо моей мамы.

Я помнила её руки. Помнила, как она носила его на безымянном пальце, как оно блестело, когда она месила тесто или гладила меня по голове. Странно. Почему она сняла его и положила в эту шкатулку? Хотя... всё правильно. Они отправлялись в горы. Альпинист может зацепиться кольцом, повредить пальцы, или в конце концов потерять его. Я покрутила кольцо в руке и заметила на нём гравировку. Мелкие буквы, почти стёршиеся от времени: «На этом и на том свете — я всегда с тобой».

Как романтично... Я не знала, что на кольце была гравировка.

Я взяла кольцо и надела на правую руку. Оно пришлось мне впору. С нежностью вспомнив родителей, я сжала пальцы, чувствуя под ними холодный металл.

Шкатулка снова дёрнулась, напоминая о себе. Я сильнее прижала её ладонью.

— Лежи, — сказала я. — Лежи и думай о своём поведении.

Шкатулка снова дёрнулась. Я надавила сильнее.

— Я серьёзно. Успокойся.

Шкатулка затихла. Жемчужина внутри пульсировала. Я чувствовала это через дерево. Тихо. Ровно. Но уже не так отчаянно. Как будто поняла, как будто сдалась.

Я села на кровать, Геральт запрыгнул рядом. Уставился на шкатулку, потом на меня, потом снова на шкатулку.

— Не смотри так, — сказала я ему. — Она это заслужила.

Геральт моргнул и отвернулся. Как будто согласился.

Я легла и закрыла глаза. Жемчужина всё ещё пульсировала, это было слышно даже через дерево, через крышку, через стенки шкатулки. Но теперь это было далеко. Теперь это было не на мне, не на моей груди, не рядом с сердцем.

Так-то лучше.

Я вздохнула. И впервые за долгое время просто лежала. Без жемчужины на шее, без пульса в груди, без его имени на губах.

Всё ещё злая. Всё ещё разбитая. Всё ещё пустая. Но теперь без жемчужины.

Всю ночь я проспала как убитая — без снов, без обрывков, без его глаз и рук, без моря и голосов. Просто чёрная, глухая, пустая темнота, в которой не было ничего, и я провалилась

в неё, как в яму, не видя дна. Впервые за всё это время.

Утром я открыла глаза и первым делом подумала о жемчужине. Как будто она была живым существом, за которым нужно наблюдать, как люди смотрят на хомяка в аквариуме, проверяя, дышит ли он, двигается ли, жив ли ещё. Я лежала и смотрела в потолок, чувствуя, как эта мысль крутится в голове, и понимала, что ещё немного и я точно свихнусь. Сначала я разговаривала с котом, ну, это еще куда не шло, а теперь проверяю, как дела у жемчужины. Нет, я определённо спятила.

Я встала с кровати, подошла к комоду и открыла шкатулку — маленькую, деревянную, с резной крышкой, куда вчера убрала её, потому что больше не могла выносить её пульс, её тепло, её зов. И испугалась.

Жемчужина лежала на дне, и она была серой. Не розовой, не переливающейся, не светящейся изнутри, а серой и блёклой, как рыба, которую выбросило на берег, как глаз, который перестал видеть. Внутри неё больше не было огня, только мутная, серая пустота, и я смотрела на неё, чувствуя, как внутри меня что-то сжимается от ужаса и вины.

Прости. Прости. Я не хотела.

Я схватила её, сжала в кулаке, потом разжала — она не изменилась, всё та же серая, мёртвая. Я быстро нацепила её обратно на шею, пальцы дрожали, замок не застёгивался, я дёргала его, крутила, тянула — и наконец он щёлкнул. Цепочка легла на шею, жемчужина на грудь.

Ну же. Давай. Оживай.

Я прижала ладонь к груди, как будто могла согреть её, как будто могла вернуть ей жизнь. Жемчужина пульсировала еле-еле, как сердце, которое бьётся через силу, как дыхание, которое вот-вот остановится, один удар, потом тишина, ещё один, потом тишина. Слабо, едва заметно, но пульс. Значит, живая. Значит, не всё потеряно.

Но она так и осталась серой.

Что это? Почему так произошло? Она на меня обиделась? Она чувствует мои эмоции? Я нихрена не понимала, и это сводило с ума. У меня было так много вопросов — десятки, сотни, и ни одного ответа. Я не знала, что происходит, но это волновало меня больше всего остального, больше работы, больше разрыва с парнем, больше пустых дней и бессонных ночей. Это было важно. Это было связано с ним.

И единственный человек в этом мире, который мог мне что-то объяснить, была Лидия.

Я дождалась среды — дня, когда собирался наш книжный клуб. Раньше я ходила туда каждую неделю, не пропуская ни одной встречи, потому что это было единственное место, где я чувствовала себя живой. Потом, после всего этого, я пропустила несколько — не было сил, не было желания, не было ничего, кроме пустоты и серой жемчужины на шее. Но теперь я жаждала туда попасть, как никогда раньше. Я предвкушала этот день, считала часы, минуты, и это ожидание было почти болезненным, но не потому что мы будем обсуж-

дать книги, а потому что мне нужно было поговорить с этой чёртовой ведьмой.

Это из-за неё всё. Из-за неё я оказалась там, в том мире, с ним. Из-за неё я влюбилась, потеряла себя, вернулась сломанной и пустой. Из-за неё жемчужина на моей шее пульсирует и гаснет. И она, она должна мне объяснить. Я не уйду, пока не получу ответы. Я не отстану, не сдамся, не позволю ей снова замолчать и улыбнуться своей хитрой улыбкой. Она расскажет мне всё. Всё, что знает! Я добьюсь от неё ответов, даже если для этого придётся вытрясти их силой.

Я надела куртку, взяла рюкзак и обернулась к подоконнику, где сидел Геральт — чёрный, с жёлтыми глазами, которые всегда смотрели на меня с выражением, которое я не могла расшифровать: то ли он меня осуждал, то ли просто ждал, когда я наконец-то уйду.

— Я вернусь, — сказала я ему. — Мне нужно сделать одно дело, и я вернусь. Честно.

Но перед этим я вспомнила, что не забыла ему оставить еды. Достала из холодильника его любимый паштет, открыла банку, положила в миску и поставила на пол.

Геральт спрыгнул с подоконника, подошёл к миске, понюхал. Потом посмотрел на меня. И демонстративно начал закапывать её лапой, будто это была вовсе не еда.

— Ты что делаешь? — возмутилась я. — Это же твой любимый паштет! Ты вообще представляешь, сколько он стоит? Ведешь себя так, будто ты королевских кровей. Может,

напомнить, что я тебя на помойке нашла?

Он мяукнул с явным пренебрежением. И фыркнул. Фыркнул! Будто я была не права.

Я вздохнула, махнула на него рукой и направилась к двери. И тут он бросился мне под ноги. Я сделала шаг, и он тут же оказался у моих кроссовок, жалобно мяукая и путаясь между ног, как будто пытался меня остановить, не пустить, удержать.

— Геральт, — я вздохнула, пытаясь его обойти, но он снова оказался передо мной. — Что ты делаешь? Я же сказала, что вернусь.

Он мяукнул громче, требовательнее. Он никогда так себя не вёл, никогда. Даже когда я уходила надолго, он просто провожал меня взглядом с подоконника и лениво переворачивался на другой бок.

— Что ты, дурачок, — я присела на корточки и погладила его по голове. — Я вернусь. Мне нужно поговорить с одной тёткой, и всё. Это не займёт много времени.

Геральт посмотрел на меня. Потом на дверь. И мяукнул ещё раз — тише, но всё ещё тревожно.

— Я вернусь, — повторила я, чувствуя, как внутри меня что-то дрогнуло. — Честно, обещаю.

Он медленно моргнул. Потом отступил на шаг и сел, глядя на меня своими жёлтыми глазами, будто понимал, что я ему говорю.

Я выпрямилась, поправила рюкзак на плече и вышла из

квартиры. Закрыла дверь и услышала за ней тихое, приглушённое мяуканье. Он всё ещё стоял за дверью.

Глава 2. Сделка

В среду я пришла в кафе раньше всех. Заняла наш обычный столик у окна, заказала чёрный чай и стала ждать. Внутри меня всё гудело от предвкушения, как будто я шла на экзамен, к которому готовилась всю жизнь. Я прокручивала в голове вопросы, которые задам Лидии. Десятки вопросов. Целый список, написанный в блокноте, который лежал у меня в рюкзаке. Я даже отрепетировала первую фразу — резкую, обвиняющую, чтобы сразу дать понять: я не та наивная дурочка, которой она меня считала.

Но Лидии не было.

Я просидела час. Пришли девчонки — София, Эмма, Алия, расселись вокруг, заказали пирожные, начали обсуждать новый роман про эльфов и гномов, и всё это было так знакомо, так обыденно, что я едва не закричала. Мне было плевать на эльфов. Плевать на гномов. Мне нужна была ведьма — та самая, с браслетами, с платками, с хитрым прищуром, но её не было.

— Где Лидия? — спросила я, перебивая Софию на середине фразы.

Она замолчала, посмотрела на меня, потом на остальных.

— Лидия? — переспросила София, нахмурившись. — А, та странная тётка с побрякушками? Она уже пару недель не приходит.

— Мы думали, она заболела, — добавила Алия. — Или уехала куда-нибудь.

— А что? — София подозрительно прищурилась. — С чего это тебя вдруг заинтересовала Лидия?

— Да так, — сказала я, отводя взгляд. — Просто заметила, что её нет.

Я пила чай и молчала. Девчонки обсуждали книгу, смеялись, спорили, а я сидела и чувствовала, как внутри меня всё сжимается от разочарования. Я так ждала эту встречу, так надеялась. И всё зря.

После встречи, когда все начали расходиться, ко мне подошла официантка, та самая, что разбудила меня в ночь возвращения. Молодая, с усталыми глазами и небрежным хвостом.

— Простите, — сказала она тихо, — я невольно услышала, что вы интересовались дамой с кучей побрякушек. Она такая колоритная, что я тоже заметила её отсутствие.

Я подняла на неё взгляд.

— Вы знаете, где она?

— Нет, — официантка покачала головой. — Но я часто вижу её по утрам, когда иду на работу. В сквере возле метро, на лавочке. Она кормит голубей. Почти каждое утро, часов в восемь.

Я кивнула, сказала «спасибо» и вышла из кафе.

Сквер возле метро. Лавочка. Голуби. Что ж, делать нечего.Пойду туда завтра.

На следующее утро я встала в семь. Собралась быстро — джинсы, кроссовки, куртка, рюкзак. И как только я взялась за ручку двери, Геральт сорвался с подоконника и бросился мне под ноги, мяукая так громко и жалобно, что я вздрогнула.

— Геральт, — вздохнула я, — я же говорила, что вернусь. Мне нужно кое-кого найти.

Он не отступал. Крутился вокруг моих ног, путался под ногами, мяукал так, будто я уходила навсегда. Я присела, погладила его по голове, почесала за ушами, он обычно это любил, но сегодня он даже не замурчал. Только смотрел не моргая на меня своими жёлтыми глазами.

— Я вернусь, — повторила я. — Обещаю.

Он мяукнул ещё раз.

Я вышла из квартиры. И почти бегом направилась к метро, к скверу, к лавочке.

Лидии не было.

Я просидела до одиннадцати. Голуби прилетали, целая стая, серая, шумная, они садились рядом на лавочку, на асфальт, но их прежней кормилицы не было. Чёрт. Я опять опоздала на работу. Начальник будет в ярости. Но мне было плевать.

Ладно. Попробую завтра.

Завтра всё повторилось. Геральт орал как сумасшедший, бросался под ноги, цеплялся когтями за джинсы. Я просидела на лавочке до половины двенадцатого. Лидии не было.

Голуби прилетели, поклевали хлеб, который я купила по дороге, и улетели. Я осталась одна.

Жемчужина на моей шее стала ещё тусклее. Теперь она почти не пульсировала, только слабый, еле уловимый толчок раз в несколько минут. Серая, почти мёртвая, как камень.

Это уже какое-то помешательство. Я искала ведьму, которой не было. Я разговаривала с котом, который вёл себя так, будто с цепи сорвался. Я проверяла жемчужину, как будто она была живым существом. Я сходила с ума — по-настоящему, тихо, без скандалов и слёз, и не знала, как это остановить.

Я вернулась домой. Геральт встретил меня у порога, единственный, с кем я могла всем поделиться, кому могла выговориться.

— Я не нашла её, — сказала я ему в ухо. — Но я найду. Завтра. Или послезавтра. Я найду.

Он медленно моргнул, как будто понял.

Утром выходного дня всё повторилось.

Я собиралась на поиски проклятой ведьмы — снова, с упорством, которое сама от себя не ожидала. И как только я взялась за ручку двери, Геральт сорвался с подоконника и с воплем бросился мне под ноги. Он не просто мяукал, он орал как резаный, бросался на кроссовки, цеплялся когтями за джинсы.

Я пыталась его обойти, но он был везде. Слева, справа, под ногами, на пороге. Его жёлтые глаза смотрели на меня с

таким отчаянием, что я почти готова была остаться.

— Геральт, — вздохнула я, — я же объясняла. Мне нужно найти одну тётку. Это важно. Я вернусь.

Он не слушал. Он орал.

Я не выдержала. Открыла шкаф и достала его переноску в виде рюкзака, с прозрачным иллюминатором, в которой его обычно носили к ветеринару. Он терпеть её не мог. Каждый раз, когда я доставала её, он убегал и прялся под кроватью, и мне приходилось выковыривать его оттуда силой. Я надеялась, что сейчас будет так же. Он испугается, убежит, а я спокойно обуюсь и выйду.

Вместе с переноской из шкафа вывалился весь набор — ошейник с пряжкой и маленьким тритиевым брелоком, который светился даже сейчас, в полутьме коридора, и шлейка, которую он ненавидел ещё больше, чем переноску. Кожаная, с металлическими кольцами, она всегда казалась ему чем-то вроде смирительной рубашки.

Я поставила её на пол и открыла молнию.

— Давай, залезай, пойдём погуляем вместе.

Я ждала, что он отскочит. Что он посмотрит на меня с ужасом и умчится в спальню, как делал всегда. Что я вздохну, уберу переноску и выйду на улицу.

Но Геральт не убежал.

Он посмотрел на переноску. Потом на меня. И запрыгнул внутрь. Уселся на дно, свернулся клубком, прижал уши и уставился на меня своими жёлтыми глазами с видом, ко-

торый я могла бы назвать только «довольным». Как будто он только этого и ждал.

Я застыла.

— Ты серьёзно?

Он медленно моргнул. Как будто говорил: «Ты сама предложила. Я согласен.»

Я смотрела на него секунду, две, три. Потом вздохнула, застегнула молнию, сунула в карман переноски ошейник, и надела рюкзак на плечо. Через прозрачный иллюминатор я видела его спокойную, почти торжественную морду.

— Лааадно. Если ты настаиваешь, я возьму тебя с собой.

Он не мяукнул в ответ. Просто моргнул ещё раз, как будто всё шло по плану. По его плану.

Я вышла из квартиры, закрыла дверь и пошла, с котом за плечами.

Куда я шла? Снова в сквер, где кормила голубей ведьма, которая, возможно, и не ведьма вовсе. К лавочке, где её не было ни вчера, ни позавчера. Но других вариантов у меня не было. Только теперь со мной был Геральт. И почему-то от этого мне было чуть спокойнее.

Сегодня удача оказалась на моей стороне.

Я увидела её издалека, сидела на лавочке в сквере, кормила голубей, и её браслеты поблёскивали на солнце, рассыпая вокруг солнечных зайчиков. Я понеслась со всех ног, едва не споткнувшись о бордюр, рюкзак дернулся на моей спине и в нём недовольно заворочался Геральт. Как же я была

счастлива. Странное, конечно, чувство, счастье от того, что нашла ту, которую хотела придушить. Но это было именно оно. Чистое, острое, почти болезненное.

Лидия меня узнала сразу. Подняла голову, прищурилась, и на её лице расплылась та самая хитрая улыбка, которую я ненавидела всеми фибрами души.

— О, ты вернулась. Не ожидала. Ну что, всё оказалось так, как ты говорила раньше? Как в ваших любовных романах?

Мне захотелось её придушить. Просто взять и сжать руки на её шее, вот прямо сейчас, на этой лавочке, среди голубей. Но она была нужна мне живой. Поэтому я глубоко вдохнула, выдохнула и сказала:

— Во-первых, нахрена ты это сделала?

— Просто мне было скучно, — ответила она, пожав плечами, как будто это всё объясняло. — А ты была так самоуверенна. «Никакой романтики, только логика». «Я бы не стала героиней романа». Я решила немного развлечься. Неплохо получилось, да?

— Ах ты старая ведьма.

— Ну, не такая уж и старая.

Она щёлкнула пальцами.

Воздух вокруг неё дрогнул, как будто кто-то провёл рукой по натянутой плёнке, и старуха исчезла. На её месте сидела молодая девушка. Всё та же — обвешанная цацками, браслетами, кольцами, в той же серой длинной юбке и платках, но теперь она была не старше меня. Гладкая кожа, живые глаза,

лёгкая усмешка на губах. И уши. Острые, длинные, чуть загнутые кверху, как у Люциуса. Как у всех фейри.

Я смотрела на неё и чувствовала, как земля уходит из-под ног.

— Ты тоже фейри, — сказала я, и голос прозвучал глухо. — И это магия иллюзий. Постой-ка… — я замолчала, пытаясь собрать мысли в кучу, но они разбегались, как тараканы. — Я что, не была в мире фейри? И ты это всё сделала иллюзией вокруг меня?

Я села на лавку. Просто села, потому что ноги перестали держать. Геральт в рюкзаке недовольно мяукнул, но я не обратила внимания.

Я уже ничего не понимала.

Лидия или как её там на самом деле, смотрела на меня с любопытством. Как будто я была лабораторной мышью, которая только что наткнулась на стенку лабиринта.

— Ну, не совсем. Иллюзия была только здесь. В нашем мире. А там… там всё было настоящим. Насколько настоящим может быть мир, созданный фейри.

— И что же ты вот так просто, из-за своей скуки, ради развлечения, решила взять и разрушить мою жизнь?

Лидия посмотрела на меня с выражением, которое я не сразу смогла расшифровать. Не насмешка, не злорадство — что-то другое. Может быть, лёгкое удивление. Как будто я сказала что-то, чего она не ожидала.

— Разрушить? — переспросила она. — Вовсе нет. Я не

разрушала. Я просто открыла дверь. А ты сама решила в неё войти. Ты сама пила чай. Сама осталась в другом мире. Всё, что с тобой там приключилось – ты выбирала сама. Я не заставляла тебя делать ни одного шага. Я только показала, куда можно пойти.

Она помолчала, разглядывая меня с тем же любопытством, с каким смотрят на диковинную зверушку.

— Но если тебе всё это так ненавистно, — продолжила она, и голос её стал мягче, почти вкрадчивым, — ты только скажи. И я сотру из твоей головы все воспоминания, начиная с того момента в книжном клубе, когда ты выпила чай. Раз и всё. Всё вернётся на круги своя. Никакого другого мира. Все фейри для тебя останутся только в книгах. Ты этого хочешь?

Я задумалась.

На минуту. На целую вечность, которая уместилась в эти секунды.

Забыть. Всё забыть. Вернуться к прежней жизни. К серому городу, к серому офису, к серым стенам. К Максу. К подругам из книжного клуба, которые обсуждают эльфов и вампиров. К Геральту, который спит на подоконнике и не орёт как сумасшедший, когда я ухожу на работу. Забыть всю боль, что мне принесли фейри. Забыть любовь, что у меня была так не долго, но так ярко…

Это было заманчивое предложение. Очень заманчивое. Настолько заманчивое, что я почти почувствовала, как оно тянет меня за собой — сладкое, тёплое, обещающее покой.

Забыть, просто забыть. И больше не чувствовать этой дыры в груди. Не смотреть на серую жемчужину. Не просыпаться от снов, в которых его руки касаются моей кожи. Не знать, что где-то там, за мирами, он есть. Что он дышит. Что он живёт. Что он, возможно, вспоминает обо мне, хоть иногда.

Но потом я представила себе это — и внутри меня что-то сжалось. Холодное, острое, почти болезненное.

Жить в неведении.

Нет. Это было гораздо хуже. Хуже, чем боль. Хуже, чем пустота. Хуже, чем все бессонные ночи и серые дни. Потому что если я забуду, я потеряю его навсегда. Не только его. Себя. Ту себя, которая любила. Которая была живой. Которая не боялась.

Я подняла голову и посмотрела Лидии в глаза.

— Очень заманчивое предложение, — сказала я, и голос мой прозвучал ровно. — Но уж нет. Жить в неведении я не стану. Это гораздо, гораздо хуже. Я хочу помнить. Даже это. Даже боль. Даже пустоту. Всё лучше, чем ничего.

— Значит, ты всё-таки не обычный книжный червь, — сказала Лидия, и в её голосе прозвучало что-то похожее на уважение. — В тебе есть стержень. Ну и что же ты хочешь от меня теперь?

— Мне нужны ответы. Ты единственная, кого я знаю в этом мире, кто может их дать.

Я полезла за пазуху и достала жемчужину — серую и тусклую. Она лежала на моей ладони, и в свете утреннего солн-

ца было видно, что внутри неё почти не осталось свечения. Только мутная серая пустота.

Я хотела объяснить, что с ней, но Лидия меня перебила. Она протянула руку, коснулась жемчужины кончиками пальцев и цокнула языком.

— Хм-хм, — протянула она. — Тот, кто её изготовил, наделил её капелькой связующей магии. Связующая магия — это…

— Я уже знаю, что это, — перебила я.

Она замолчала и посмотрела на меня с любопытством.

— Что ж, тогда ты знаешь, как это работает. И зачем тогда тебе я?

Я не ответила. Потому что в этот момент до меня начало доходить.

Тогда, в Лиримарии. Я стояла у прилавка и смотрела на украшения — розовые жемчужины, переливающиеся ракушки, тонкие цепочки. Люциус был рядом. Он видел, как я смотрю. Видел моё восхищение и запомнил. А потом он попросил изготовить эту жемчужину. Вложив в неё капельку нашей связи. Той самой, что тянулась между нами через проклятие, через расстояние, через всё.

Проклятие ушло. Связь разорвалась. Но заключённая капелька в этой жемчужине осталась со мной. Навсегда.

И если она сейчас серая…

Я подняла глаза на Лидию. Внутри меня всё сжалось в тугой, холодный комок.

— О нет, — прошептала я. — Нет, нет, нет.

Лидия смотрела на меня, не отводя глаз, в её глазах — в этих молодых, острых, фейских глазах не было ни насмешки, ни любопытства. Только что-то похожее на сочувствие.

— Ты сама всё поняла, — улыбнулась она.

— Что с ним? — спросила я, и голос мой сорвался. — Что происходит? Скажи мне!

Лидия покачала головой.

— Я не знаю. Связующая магия это не моя стихия. Я умею создавать миры, открывать проходы между ними, но не умею читать чужие. Однако… — она перевела взгляд на жемчужину, и её пальцы на секунду замерли над ней, — если она гаснет, значит, связь ослабевает. А связь ослабевает, когда один из двоих…

— Когда один из двоих что? — почти крикнула я.

— Когда один из двоих умирает, — сказала она тихо.

Я застыла. Слова падали на меня, как камни. Один за другим. Тяжёлые. Холодные.

Умирает.

— Мне нужно вернуться. Сейчас же.

Лидия вздохнула.

— Ты уверена? Назад ты можешь уже не вернуться, ты человек, в тебе нет столько жизненных сил на прыжки между мирами туда-сюда.

— Да. Уверена как никогда.

Я посмотрела на рюкзак. Через прозрачный иллюминатор

на меня смотрели спокойные жёлтые глаза. Внимательные. Как будто он знал, что мы сейчас решим его судьбу.

— Геральт отправится со мной.

Лидия подняла бровь. Потом опустила взгляд на рюкзак, и смотрела на кота чуть дольше, чем следовало. Так, что я успела спросить себя, что она там высматривает.

— В мир фейри? С ним?

— Да, мне не с кем его тут оставить.

— Оставь его мне. Я присмотрю. У меня есть опыт общения с такими существами.

— Оо, ну уж нет. Он мне не просто кот, он член семьи.

— Какие же вы всё таки люди странные... — она вздохнула, покачала головой. — Ну так и какой на этот раз мне интерес тебя туда отправлять?

— Ну вот, — я скрестила руки на груди. — Я так и знала. Фейри, они везде одинаковые. Чего ты хочешь?

— Хмм. — Лидия прищурилась, разглядывая меня с таким видом, будто прикидывала, что можно с меня взять. — Твой прекрасный голосок... или красоту...

— Это не смешно.

— Ладно. — она посерьёзнела. — Я хочу одну услугу. Когда я позову, ты придёшь и сделаешь то, что я скажу. Один раз. Что бы это ни было. Как тебе такой уговор? Всё честно: я тебе услугу — и ты мне.

Я задумалась на секунду. Услуга. Один раз. Что бы это ни было. Это могло быть что угодно — помочь кому-то, украсть

что-то, отдать что-то, обмануть. А могло быть и что-то простое. Фейри любили туманные формулировки, и я это знала. Но выбора у меня особо не было.

— По рукам, — сказала я. – Только условие – я не буду ни кого убивать и отдавать тебе своего первенца. А то знаю я вас…И можно, пожалуйста, отправить меня в замок Тёмных берегов, а не бросить как в тот раз посреди леса.

— Какая же ты душная. – выдохнула Лидия. — Ладно. Кровь.

— Что кровь?

— Скрепляем сделку кровью.

— Да что ж такое, — я закатила глаза. — Всё у вас скрепляется кровью, почему нельзя по-нормальному, по-человечески?

— Потому, что я не человек, — отрезала Лидия.

Она сняла с платка брошь, тонкую, серебряную, с маленьким рубином в центре, взяла мою руку и кольнула меня в палец. Я взвизгнула и дёрнула руку, но она уже сделала то же самое со своим пальцем. Капля крови выступила на её коже, тёмная, почти чёрная. Она сжала мою ладонь своей, и наши пальцы соприкоснулись, смешивая кровь.

Я почувствовала, как что-то дёрнулось в воздухе. Как будто натянулась струна, где-то там, за пределами слуха, за пределами зрения. Мир вокруг дрогнул.

И в тот же миг всё закружилось.

Сквер, голуби, лавочка, Лидия — всё это расплылось,

потемнело, затянулось серой дымкой. Я почувствовала, как земля уходит из-под ног, как меня тянет куда-то вверх, вниз, в сторону, и рюкзак с Геральтом на плече стал единственным, что оставалось реальным.

Я закрыла глаза.

Глава 3. Весть

Я очнулась в замке Тёмных Берегов.

Как и договаривались. Только, блин, на крыше.

Я лежала на холодной черепице, раскинув руки, и смотрела в серое небо. Ветер трепал мои рыжие волосы, где-то внизу шумело море, а рядом, в рюкзаке, орал Геральт — громко и отчаянно. Голова кружилась так, что я не сразу поняла, где верх, а где низ. Но когда поняла — захотелось заорать вместе с котом.

Крыша. Она скинула меня на крышу. На крышу, вот зараза.

— Что за приколы, — простонала я, пытаясь сесть. — Не в лесу, и на том спасибо, конечно. Но как же меня бесят эти фейри. Всё надо уточнять, всё дословно.

Я осторожно подползла к краю и заглянула вниз. Высота была такая, что у меня засосало под ложечкой. Внизу пустой двор. Никто не знал, что я тут.

— Ну и как мне отсюда слезать? — спросила я у Геральта.

Он мяукнул в ответ. Не обнадёживающе.

— Ладно, — вздохнула я. — Буду орать вместе с тобой.

И заорала.

— Кто-нибудь! Спустите меня отсюда! Хоть кто-нибудь!

Я орала битый час. Пока не охрипла. Пока голос не превратился в сиплый шёпот. Пока Геральт не замолчал, не потому что успокоился, а потому что тоже устал. Ветер трепал меня, холод пробирался под худи, и я уже начала думать, что придётся мне тут ночевать. На крыше, с котом, в чужом мире. Опять.

А потом, внизу показалась маленькая фигурка. Я узнала её сразу: коренастая, в лохмотьях, с огромной бородой. Бормотун. С высоты крыши он казался муравьишкой, но даже отсюда я видела, что он смотрит вверх и хмурится.

— Ты как там оказалась? — крикнул он.

— Спусти меня отсюда! — просипела я.

Он замер, будто прикидывая что-то в уме, всего на секунду, а потом развернулся и убежал. Просто взял и убежал. Я смотрела ему вслед и чувствовала, как внутри меня закипает что-то тёмное и злое. Вот же маленький предатель. Второй раз уже. Второй раз он оставляет меня в заднице.

Но через несколько минут он вернулся. И не один, рядом с ним шли две фигуры в кожаных доспехах. Фрея с луком за спиной и Мейв с двумя мечами на поясе. Они подняли головы, посмотрели на меня, и Фрея присвистнула.

— Ничего себе, — сказала она. — Ты как туда забралась?

— Долгая история, — выдавила я, чувствуя, как саднит горло. — Просто спустите меня.

Мейв хмыкнула.

— Сейчас. Только верёвку найдём.

Они ушли. Я осталась сидеть на краю крыши, с котом за плечами, с серой жемчужиной на шее, и смотрела вниз. Во дворе было пусто, только маленькие фигурки за стенами сновали туда-сюда. Где-то там, за этими стенами, было море. А где-то там, в этом мире, был он. Тот, из-за которого я вернулась. Тот, из-за которого жемчужина гасла.

Я не знала, где он, не знала, что с ним, не знала, жив ли он вообще. Но я была здесь, и я найду его. Но для этого придётся сначала спуститься с этой чёртовой крыши.

Вскоре они вернулись. Фрея сняла с плеча лук, привязала к стреле конец верёвки и выстрелила. Стрела взвилась вверх, перелетела через конёк крыши и упала по другую сторону.

Я обвязала верёвку вокруг трубы, затянула узел, дёрнула — держится. Потом сняла рюкзак с Геральтом. Он недовольно ворочался внутри, наверное, чувствовал, что сейчас будет что-то нехорошее.

— Тихо ты, — пробормотала я, привязывая рюкзак к концу верёвки. — Сейчас спустишься, и всё будет хорошо.

Я перекинула рюкзак через край и медленно, осторожно начала травить верёвку. Он спускался медленно, покачиваясь, и я молилась, чтобы он не застрял и не перевернулся. Геральт внутри затих, будто понял, что лучше не дёргаться.

Когда рюкзак коснулся земли и Мейв отвязала его, я выдохнула. Теперь моя очередь.

Я взялась за верёвку, перелезла через парапет и начала

спускаться. Медленно, неуклюже, вцепляясь в верёвку так, что ладони горели. Стена была холодной и шершавой. Где-то на середине я оступилась, и Мейв внизу натянула верёвку, удерживая меня. Сомневаюсь, что она смогла бы меня поймать, если бы я сорвалась, но от этого было спокойнее.

Когда мои ноги наконец коснулись твёрдого камня двора, я едва не упала. Мышцы дрожали, голова кружилась, но я стояла. На земле. В замке.

Бормотун уже стоял рядом, скрестив руки на груди, и его ворчание было слышно за десять шагов. Он считал, что мог бы и сам всё организовать, если бы его не отвлекали по пустякам.

Внизу меня уже ждали.

Маргарета бросилась ко мне раньше, чем я успела что-то сказать. Обхватила руками, прижала к себе, крепко, по-настоящему, как обнимают своих. Я почувствовала, как её плечи дрожат, и когда она отстранилась, по её морщинистым щекам катились слёзы. Она даже не пыталась их вытереть.

— Ты вернулась, девица, — прошептала она. — Вернулась.

Я стояла, не зная, что сказать. Не ожидала я такого. Не ожидала, что кто-то будет так рад меня видеть. Не ожидала, что кто-то вообще заметит, что меня не было.

— Нууу да, — выдавила я. — Я вернулась. Но не ожидала, что это вызовет такой шквал эмоций.

Дэниз уже тараторил рядом.

— Слава всем богам, что ты здесь, мы думали, ты не вернёшься, мы думали, всё пропало. — Он говорил быстро, сбивчиво, и в его голосе было столько облегчения, что я почти забыла, зачем пришла.

— Отчего столько радости? — перебила я. — Где Люциус?

И тут я посмотрела на Дэниза. На этого светловолосого, улыбчивого, вечно шутящего фейри. На этого «друга», который всё знал и всё это время молчал.

— А для тебя, Дэниз, у меня отдельный разговор.

Он замер. Улыбка сползла с его лица.

— Ты тоже всё знал, — холодно сказала сказала я. — Ты знал о помолвке, о Сильрии, обо всём. И молчал! Тоже мне друг называется.

И я сама не ожидала, что сделаю это. Просто рука дёрнулась вперёд, кулак врезался ему в лицо — прямо в нос, с глухим, мокрым звуком. Дэниз заорал, схватился за лицо, из-под пальцев потекла кровь. Я заорала ещё громче — потому что кажется, сломала пальцы. Кто ж знал, что бить кого-то в лицо так больно?

— А-у! — взвыл он, прижимая руку к окровавленному носу. — Это было заслуженно, но больно же!

— А мне не было больно!? — прошипела я, тряся ушибленной рукой. — Когда ты молчал? Когда я ушла? Когда я думала, что схожу с ума? Ты виноват не меньше!

Маргарета смотрела на нас обоих, и в её глазах читалось

усталое понимание, что она слишком стара для всего этого. Фрея и Мейв переглянулись, но не сказали ни слова. Бормотун стоял в стороне и делал вид, что он тут вообще ни при чём.

— А теперь, — сказала я, поворачиваясь к ним всем, — Давайте по порядку. Где Люциус?

Тишина. Никто не отвечал. Никто не смотрел мне в глаза.

— Что случилось? Где он?

— Пойдём в дом, — сказала Маргарета, вытирая лицо тыльной стороной ладони. — Тут холодно.

Я не стала спорить. Ноги сами понесли меня внутрь, в знакомые коридоры, в тепло, к запаху дыма и специй, которые всегда стояли на кухне. Геральт в рюкзаке притих, как будто понял, что мы наконец в безопасном месте. Я расстегнула молнию, выпустила его, и он тут же выскользнул на пол, отряхнулся и начал обнюхивать углы, как будто проверял, всё ли на месте, пока меня не было.

Маргарета захлопотала у стола. Тарелки, хлеб, суп, чай. Всё то же, что и раньше. Как будто ничего не изменилось. Как будто я не уходила. Как будто не было серой жемчужины на моей шее и дыры в груди.

Только вот на кухне теперь было не протолкнуться.

Две молодые фейри, с такими же тёмными волосами и перепонками между пальцами, как у рыбаков из деревни, сновали между столом и плитой. Одна резала овощи, вторая мешала что-то в котле. У очага возился невысокий коренастый

мужчин, с седой щетиной, он подкладывал дрова, и я заметила, как аккуратно он это делает: не бросает, а укладывает, крест-накрест. Увидев меня он выпрямился, коротко поклонился и вышел, прикрыв за собой дверь.

Я смотрела ему вслед, потом перевела взгляд на Маргарету.

— Откуда здесь все эти слуги? Когда я уходила, замок был пустым. Только ты, Бормотун и Дэниз. Ну и Люциус, конечно.

Маргарета вытерла руки о фартук и посмотрела на меня с тем самым выражением, которое я уже начала узнавать: смесь усталости и терпения.

— Когда заклятие было снято, жители замка стали возвращаться. Те, кто ушёл, когда Люциус прогнал всех. Те, кто боялся оставаться рядом с проклятым, они вернулись.

Она помолчала. Потом добавила тише:

— Не все, но многие, кто-то пришёл сам, кто-то прислал детей помочь по хозяйству, замок снова живёт, дышит, как раньше.

Я смотрела на двух фейри у плиты. На дверь, за которой скрылся мужчина с дровами. На то, как всё это — фейри, тепло, запахи, звуки, наполнят пространство, которое я помнила пустым и холодным.

Замок снова живёт.

Мы сели. Дэниз утёр нос рукой, кровь уже остановилась. Он посмотрел на меня, вздохнул и заговорил.

— Когда ты ушла, — начал он. — Назовём это так. Люциус слетел с катушек.

Он говорил ровно, без прикрас, как будто читал отчёт. Но в его голосе было что-то, от чего у меня внутри всё сжималось.

— Ты же помнишь, Сильрия была здесь. Пока вы были наверху, она тут сразу принялась за дело — начала командовать, раздавать указания, вести себя так, будто замок уже её. Когда Люц спустился, Сильрия уже припиралась с Маргаретой. Та не хотела её пускать на кухню, а Сильрия говорила, что теперь здесь всё будет по-другому. Что она будущая хозяйка замка, и Маргарете придётся с этим считаться. Что она слишком стара, слишком груба и слишком много о себе возомнила.

Я напряглась всем телом. Перед глазами встала картина: Сильрия с её ледяной улыбкой стоит посреди кухни и указывает Маргарете, где ей стоять и что делать.

— Я не выдержала, — раздался голос Маргареты.

Мы обернулись. Маргарета стояла у плиты. Лицо у неё было красное, а глаза метали молнии.

— Эта... эта поганка, — начала она, и голос её дрожал от негодования. — Она мне не хозяйка. И никогда ею не будет! Будь моя воля, я бы повторила всё это ещё раз, да погромче, чтобы до самого Берегоморья дошло!

— Что ты с ней сделала? — тихо спросила я.

— Выгнала взашей из замка! — Маргарета выпрямилась,

и в её глазах вспыхнула гордость. — Правда, мне на пути влез её защитник. Ну, тот, с квадратной челюстью. Я его ножом для разделки мяса пригвоздила к стене. Он даже пикнуть не успел. А её саму гнала до самого причала! Бежала так, что только пятки сверкали.

Я моргнула. Да, она могла.

— И плевать мне на то, что они когда-то были вместе, — продолжила Маргарета, её голос стал жёстче. — Плевать, что они знают друг друга с детства. Эта вертихвостка мне никогда не нравилась. Она была с Люциусом только когда он был красив. Как только на него обрушилось проклятие — сразу сбежала. Согласилась на отсрочку свадьбы, пока он его не снимет. А ты, девица... — она посмотрела на меня, и её взгляд смягчился. — Ты полюбила его таким, какой он есть. Несмотря на всю его чешую. Вот это любовь, а не то, что она пела ему в уши своим магическим голосом.

Были вместе. С детства. Я так и знала. Значит это всё таки не только свадьба устроенная родителями.

Как он там мне сказал тогда на балу? «Старая знакомая». Ну конечно. Не просто знакомая. Старая знакомая с которой он спал. Я сжала кулаки под столом так, что ногти впились в ладони. И на счёт этого он мне врал. Не прямо — просто молчал. А это одно и то же. Я вспомнила её лицо на балу, её пальцы на его воротнике, и то, как он не отстранился. Позволил.

Ревность поднялась внутри, липкая и обжигающая. Я зли-

лась на него. На себя. На то, что мне вообще не всё равно. И на то, что я всё ещё хотела его защищать, даже сейчас.

Я глубоко вдохнула, пытаясь унять эту злость, и заставила себя вернуться в настоящее. Дэниз сидел напротив, и его лицо было мрачнее тучи. Он ждал, пока я справлюсь с собой. Я разжала кулаки.

— Что было дальше? — спросила я, и голос вышел хриплым.

— Люциус был просто в ярости, — продолжил Дэниз. — Ты ушла, и он не смог тебя остановить. Не смог удержать. Не смог ничего сделать, потому что ты приказала ему именем, а он не мог ослушаться. И это сломало его. Он разорвал помолвку, которую заключили его отец и отец Сильрии. Просто взял и разорвал.

Дэниз вздохнул.

— А Сильрия приехала не одна. С ней был Теневой советник, Бравэн. Когда Люц объявил, что помолвки не будет, Бравэн воспринял это как оскорбление чести Сильрии и как нарушение уговора с Андерсом. Ну и... — Дэниз пожал плечами. — В общем, в ходе выяснения отношений Люциус покалечил советника князя Берегоморья. Сильно покалечил, думаю, тот останется без глаза.

Дэниз помолчал, потирая затылок, где, видимо, ещё оставалась шишка.

— Я тоже пытался вмешаться, — добавил он с горечью. — Но меня сразу оглушили. Кто-то из этих ублюдков под-

крался сзади. Я даже меч вытащить не успел, просто рухнул на пол. А Бормотуна... — он усмехнулся, но как-то криво. — Бормотуна вообще закинули на шкаф. Представляешь? Маленького, старого Бормотуна на шкаф. Я его оттуда потом доставал, он сыпал возмущениями так, что его обычное ворчание показалось мне нежным шепотом.

Я невольно фыркнула, хотя в горле стоял ком. Эта картина — Бормотун на шкафу, размахивающий руками и сыплющий проклятиями, — была такой абсурдной, что на секунду перебила горечь.

— Люциус бы одержал над ними победу, он сильнее, справился бы. Но магии не осталось, всё ушло на портал между мирами, до капли, до последней искры. Он выжег себя досуха, чтобы ты вернулась домой. Ему было нечем сопротивляться, кроме меча. Его заковали в магические цепи и отправили в тюрьму. Сейчас он заперт в башне и ждет приговора.

Тишина. Только чайник шипит на плите. Только Геральт где-то в углу вылизывает лапу. Только моё сердце стучит где-то в горле.

— Значит, он жив, — сказала я.

— Да, жив, — ответил Дэниз. — Но, возможно, это ненадолго, мы не знаем. Князь ждёт, он хочет публичного суда. Если Люц не передумает — хочет показать всем, что бывает с теми, кто идёт против него. Мы не знаем, сколько у нас времени.

Я закрыла глаза. На секунду. На две. На целую вечность.

Он выжег себя досуха, чтобы ты вернулась домой.

Я вспомнила его лицо в тот момент. Когда я произнесла его имя. Люциэль. Как он замер. Как в его глазах что-то сломалось. Как он сказал «Повинуюсь». Глухим, мёртвым голосом. Как у человека, который потерял всё.

И он разорвал помолвку. Не смотря на последствия.

— Где он? — спросила я, открывая глаза. — В какой башне?

Дэниз помолчал. Потом сказал:

— В тюрьме Драугхолл в землях Берегоморья. В этой тюрьме невозможно пользоваться магией. Она далеко отсюда, дня три пути.

— Мы идём его вытаскивать. Сейчас же.

— И как ты себе это представляешь? — Дэниз посмотрел на меня как на сумасшедшую. — Ты не поняла? Там невозможно пользоваться магией. Вообще. Никакой. Цепи, стены, сама башня — всё пропитано подавлением. Мы ничего не сможем сделать. Ни я, ни Фрея, ни Мейв. Мы войдём туда — и станем обычными. Беспомощными. Как...

Он замолчал, не договорив.

— Как люди, — закончила я за него.

Он кивнул.

Я отставила чашку и посмотрела на него. На всех них, на Дэниза с разбитым носом, на Маргарету поджатыми губами, на Фрею и Мейв, которые стояли у стены и молчали. Они все смотрели на меня и как будто ждали чуда.

— Для вас, привыкших к магии, это конец. А для того, кто жил всю жизнь без неё — это обычные будни. Я не умею колдовать, я не умею поднимать волны, не умею открывать порталы. Я вообще не умею ничего из того, что умеете вы, даже ваша слабая бытовая магия мне не подвластна. Но я двадцать семь лет прожила в мире, где магии нет, где всё делается руками и всё решается головой. И я справлялась.

Я встала, Геральт тут же оказался у моих ног, тёрся о кроссовки.

— Я пока не знаю как. Но я придумаю. Я читала много книг — сотни, тысячи страниц. Про тюрьмы, про побеги, про замки, про стражу. Знания — моё единственное оружие. И я собираюсь им воспользоваться.

Я посмотрела на Дэниза. Потом на Фрею. Потом на Мейв.

— Поехали. А по пути уже решим, что делать. Я не могу просто сидеть и ждать здесь, пока его казнят. Даже если для этого мне придётся войти в башню, где магия не работает. Даже если для этого мне придётся стать единственным человеком в отряде фейри, который не сможет ничего, кроме как думать.

Я замолчала. В кухне было тихо.

Дэниз почесал голову, потом вздохнул и встал.

— Ладно. Уговорила. Но если мы все поляжем там, я буду очень на тебя зол и потом найду тебя на том свете.

Фрея хмыкнула.

— Я с ней, — сказала она.

— Я тоже, — добавила Мейв.

Маргарета подошла молча, взяла мою руку и крепко сжала её. Как будто передавала мне что-то. Силу или веру.

Я кивнула. Не могла больше говорить.

Мы вышли из кухни через коридоры, через двор, к ящерицам. Геральт бежал за мной, путаясь под ногами, я на ходу подхватила его и сунула в рюкзак. Он не сопротивлялся, только устроился поудобнее и сунув морду в иллюминатор, как будто хотел видеть, куда мы направляемся.

— Подождите, — раздался голос за спиной.

Я обернулась. Маргарета стояла в дверях, вытирая руки о фартук.

— Я соберу вам еды в дорогу. И переоденься во что-то более подходящее. Опять эти страшные штаны.

Я посмотрела на свои джинсы. Потом на неё.

— Лааадно, — вздохнула я. — Только не сжигай их. Они мне дороги как память.

Она фыркнула, тем самым фырканьем, которое я слышала сотни раз, и ушла внутрь. Вернулась через несколько минут с холщовым мешком, в котором что-то позвякивало и пахло хлебом, с охапкой одежды — кожаные штаны, тёплая рубаха, куртка. Всё тёмное, всё практичное.

— Надевай, — сказала она. — И не спорь.

Я и не собиралась. Быстро переоделась за ближайшим выступом стены, стянула джинсы, натянула кожаные штаны, они сидели как влитые, будто были сшиты на меня, рубаху,

куртку.

— Спасибо, — сказала я, застёгивая куртку.

Маргарета оглядела меня с головы до ног. Потом удовлетворенно кивнула.

— Так-то лучше. Теперь ты похожа на воина, а не на пугало. Иди, — сказала она. — И верни его, он нам нужен. И ты ему нужна.

Я кивнула. Не доверяя голосу. Взяла мешок с едой и запасной одеждой. И пошла к ящерицам.

Ящерицы ждали нас у выхода. Дэниз уже сидел на своей, Фрея и Мейв проверяли упряжь. А рядом с ними стояла Морра.

Я узнала её сразу, та же оранжевая полоса вдоль хребта, те же жёлтые глаза, та же мощная, приземистая фигура. Она смотрела на меня, и в её взгляде было что-то такое, от чего у меня внутри всё сжалось и одновременно стало тепло.

Я подошла и протянула руку.

Морра сделала шаг, другой, а потом вдруг рванула ко мне, повалила на спину и начала лизать. Её язык был длинным, шершавым и мокрым, она водила им по моему лицу, по волосам, по шее, как счастливый лабрадор, который наконец дождался хозяина.

— Хватит! — я пыталась отвернуться, но она была больше меня, тяжелее и явно счастливее, чем я могла себе представить. — Хватит, Морра! Я тоже рада тебя видеть! Ну хватит!

Она лизнула меня ещё раз прямо в нос, а потом отступила и уселась на задние лапы, глядя на меня с таким довольным видом, будто только что сделала что-то героическое.

Дэниз смотрел на это, и на его лице расплывалась ухмылка.

— Она тебя, кажется, узнала.

— Я заметила, — я вытирала слюнявое лицо рукавом, но улыбалась. Не могла не улыбаться.

Я забралась в седло. Морра поднялась, встряхнулась и я почувствовала, как её тело перекатывается подо мной, потом она замерла, ожидая команды. Я положила ладонь на её шею, чувствуя под пальцами гладкую, тёплую чешую.

— Ну что, — сказала я. — Пошли.

Глава 4. План

Мы тронулись. Ящерицы двинулись вперёд, и замок начал удаляться за нашими спинами, тёмные стены, разрушенная башня, обломок у обрыва и несколько домиков ближе к кромке леса, в которых жили фейри из отряда и несколько местных семей.

Я иду. Слышишь? Я иду.

До тюрьмы было три дня пути. Три дня, чтобы успеть.

Мы ехали почти не останавливаясь, от рассвета до заката, с короткими передышками, чтобы напоить ящериц и проглотить кусок хлеба. Задница болела невыносимо, ноги онемели, спина превратилась в один сплошной узел, но я не жаловалась, каждая минута была на счету. Когда мы останавлива-

лись, чтобы поесть или поспать, а спали мы урывками, прямо на земле, укрывшись пледами, я сразу доставала блокнот и карандаш. Делала наброски, схемы, рисовала стены, башни, ворота, уточняя то, что помнил об этом месте Дэниз. Помечала, где могут быть посты, где тропы, где слепые зоны. У меня уже были идеи, но их надо было проверить: осмотреться на месте, увидеть тюрьму своими глазами, понять, как она устроена, где стоит стража, когда меняется караул, как проходит патруль. Только тогда я смогу рассчитать всё точно. Всё должно быть идеально, потому что у нас будет только один шанс.

На второй день пути дорога наконец стала ровной, не та каменистая тропа, что вилась через лес, а широкая, наезженная, с редкими деревьями по обочинам и полосой травы между колеями. Морра шла спокойно, мерно переставляя лапы.

Я увидела эту тварь краем глаза. Маленькая рептилия, бурая, с длинными задними лапами и глазами навыкате, она сидела на дороге, прямо по курсу, и, кажется, совсем нас не боялась. Морра заметила её раньше меня. Я почувствовала, как её тело подо мной напряглось, не как перед бегом, а по-другому, как напрягается кот, когда видит птицу на подоконнике.

— Морра, нет!

Она прыгнула. Не в сторону, потом вперёд. Всё её тело перекатилось волной, от загривка до хвоста, и я едва успела

вцепиться в седло. Лягушка, если это была лягушка, сиганула в сторону, и Морра, не сбавляя хода, развернулась за ней. Поводья в моих руках натянулись, я дёрнула раз, другой, но Морра только фыркнула и мотнула головой.

— Стой, зараза! Стой!

Лягушка прыгнула ещё раз. Морра за ней, она играла. Я чувствовала это всем телом, как перекатываются подо мной её мышцы, как она припадает на передние лапы, как виляет хвостом, как фыркает от удовольствия. Ящерица, которая только что шла ровно, теперь неслась по обочине, ломая кусты и взрывая когтями землю, и я не могла её остановить.

Лягушка прыгнула в придорожную канаву.

— Неееe! Нет-нет-нет, только не туда...

Морра прыгнула следом.

Мир перевернулся. Канава оказалась глубже, чем выглядела, не ямка, а настоящий ров, полный воды, грязи и чего-то тёмного вроде тины. Я успела вдохнуть, прежде чем мы рухнули, и это было единственное, что я успела. Вода накрыла меня с головой. Холодная и мутная. Седло ушло вбок, я вылетела из него, как пробка из бутылки, и приземлилась на задницу в жидкую грязь. Волна накрыла меня ещё раз, уже сверху, и я осталась сидеть, глядя в серое небо и чувствуя, как с волос на лицо стекает вода. В рюкзаке перевернулся и завопил Геральт.

Я повернула голову. Морра стояла на краю канавы вся в грязи, счастливая до невозможности. Она носилась вдоль

рва, прыгала, скакала, виляла хвостом, как собака, которая нашла палку. Лягушки, конечно, уже и след простыл. Осталась только я, похожая на выловленную из болота русалку, и ящерица, которая явно считала, что мы отлично провели время.

Я встала. Вода стекала с меня ручьями.

— Ты! — гневно закричала я, тыкая в неё указательным пальцем. — Ты серьёзно?!

Морра остановилась и посмотрела на меня. Её морда была перепачкана грязью, глаза блестели, из пасти капало.

— Я на тебя ругаюсь, если ты не поняла!

Она опустила голову. Медленно, как будто и правда поняла. Хвост её поник, плечи ссутулились. Она сделала шаг ко мне, потом другой, потом наклонилась, и её длинный мокрый язык прошёлся по моему лицу от подбородка до лба.

— Фу! Морра! Прекрати!

Она лизнула ещё раз. И ещё.

— Всё-всё, я тебя прощаю! Прекрати меня слюнявить! Что за дурная ящерица мне досталась…

Она не прекратила. Она лизала меня ещё и ещё, прямо в нос, и только когда удостоверилась, что я больше не ругаюсь на неё, отступила на шаг и уселась на задние лапы, глядя на меня с видом существа, которое только что совершило нечто невероятное и ждёт заслуженной награды.

Я вытерла лицо рукавом. Рукав был грязный. Стало только хуже.

— Идём, — вздохнула я — И не смотри на меня так.

Морра фыркнула. Но пошла, спокойно, ровно, как будто ничего и не было.

Дэниз подъехал следом. Остановил свою ящерицу, посмотрел на меня, затем перевёл взгляд на Морру, и заржал.

— Эй, Мари, — сказал он, отсмеявшись, — сказала бы сразу, что хочешь охладиться, мы бы остановились возле реки. Там, знаешь ли, вода без тины.

— Это не смешно!

— О, ещё как смешно. — Он вытер глаза. — Ты бы видела себя. У тебя водоросли на плече. И, кажется, что-то живое в волосах.

Я дёрнула рукой, там действительно что-то было. Что-то скользкое, зелёное. Я стряхнула это в канаву, не глядя.

— Морра потащила меня за какой-то жабой.

— А, квакша. — Дэниз понимающе кивнул. — Да, она никогда не была равнодушна к квакшам. У всех есть свои слабости. — Он посмотрел на Морру. — Даже у таких солидных дам.

Морра медленно моргнула.

— У Мейв вот например к острым ножам. У Фреи к птицам. У меня к хорошему элю и плохим женщинам. Ну или к плохому элю и хорошим женщинам. В любой комбинации годится.

— Ты можешь говорить хоть о чём-то, кроме женщин? — Мейв подъехала сбоку, не глядя на него. Голос ровный, как

всегда.

— Могу, — ответил он. — Но зачем? Я люблю женщин.

— Поехали, — сказала я. — И если кто-то ещё раз засмеётся — брошу в голову мокрым кроссовком.

Дэниз поднял руки. Фрея молчала. Мейв — та вообще не смеялась, но в её глазах было что-то, от чего мне хотелось её стукнуть.

Мы тронулись. Морра шла ровно, как по линейке, как будто ничего и не было.

Я не спала нормально уже двое суток. Не потому что боялась, хотя, если честно, боялась, и очень, а потому что каждый раз, когда закрывала глаза, видела его лицо. Люциус закованный в цепи, в каменной башне, один на один с темнотой. Он фейри, фейри не боятся темноты, но я-то человек, и я боялась за него.

Геральт, в отличие от меня, спал как убитый. Каждый вечер, когда мы останавливались на ночлег, я выпускала его из рюкзака, и он исчезал в темноте, растворялся в ней без единого звука, как будто был её частью. Уходил охотиться. Возвращался через час или два, сытый, довольный, с блестящими в свете костра глазами, запрыгивал мне на грудь, сворачивался клубком и засыпал, как будто ничего не произошло. Я гладила его по шерсти, чувствуя под пальцами тепло, и думала, что хоть кто-то из нас спит спокойно.

На вторую ночь я всё-таки уснула ненадолго, укрывшись плащом и привалившись спиной к стволу. Проснулась от ти-

хих голосов у костра, слова не разобрать, только звук двух голосов, один поверх другого, и по этому звуку я сразу поняла, кто не спит. Мейв караулила, Дэниз, судя по всему, тоже не ложился. Они сидели рядом и говорили вполголоса, ровно и спокойно, а я лежала в темноте и слушала, не пытаясь разобрать слов, просто звук, просто ритм. Его голос шёл без обычной шутливости, а её короткие, рубленые фразы, к которым я привыкла, вдруг сменились чем-то другим, она отвечала долго, плавно, так, как не говорила ни разу за всё время, что я её знала.

Я не стала подслушивать. Просто закрыла глаза и снова провалилась в тепло, в темноту, в пустоту без снов.

К концу третьего дня деревья начали редеть, и я почувствовала это раньше, чем увидела: воздух стал другим. Суше, холоднее, будто кто-то вытянул из него всю влагу. А потом лес расступился, и перед нами появилась огромная поляна, окружённая деревьями. В центре этой поляны стояла тюрьма с высокой башней посередине.

Мы остановились на опушке, в тени последних деревьев, и я смотрела на неё, чувствуя, как пальцы сами собой сжимаются в кулак, а во рту становится сухо. Драугхолл. Я узнала её сразу по описаниям Дэниза, по форме, по тому, как она одиноко торчала посреди леса, будто палец, указующий в небо. Стены были тёмными, почти чёрными, вокруг неё не было ни рвов, ни застав. Только голый камень и тишина.

— Мы добрались, — сказал Дэниз тихо, останавливая

ящерицу рядом со мной. — Это она.

Я кивнула не отводя взгляда от башни. Теперь надо было смотреть, запоминать, считать. Потому что уже завтра мы пойдём туда. И, может быть, не вернёмся.

Недалеко от тюрьмы, у самой кромки леса, приютилась небольшая деревушка — несколько хозяйств, крытых соломой, с покосившимися заборами и дымком из труб. Отсюда, с опушки, она казалась игрушечной, будто кто-то поставил её сюда для декорации. Но в ней жили. Деревушка стояла здесь, наверное, не одну сотню лет, и её обитатели давно привыкли к тёмной громадине, что возвышалась над лесом.

Мы разбили лагерь в получасе ходьбы от крепости, на опушке леса, в низине, скрытой от посторонних глаз. Фрея развела костёр, Мейв проверяла оружие, Дэниз снова набросал на земле схему, ту самую, которую мы рисовали все три дня. Я сидела рядом, глядя на башню, которая виднелась вдалеке, тёмная, молчаливая, неприступная.

Фрея сидела у огня, скрестив ноги, и кормила сову которую призвала час назад. Протягивала кусок мяса на раскрытой ладони, и сова брала его так осторожно, будто знала, что от её осторожности зависит чья-то жизнь. Пшеничные косички Фреи, тугие, аккуратные, лежали на плечах, и в свете костра казались золотыми. Мускулистые плечи, тугой лук за спиной, пальцы, которые держали мясо для совы нежнее, чем многие держали бы ребёнка, — в ней всё было одновременно. Сила и мягкость. Воин и девчонка, которая шепчет

птицам.

Я смотрела на неё и думала, что за всё время, что была с ней знакома так и не научилась её читать. Фрея молчала, когда другие говорили. Улыбалась, когда другие злились. И шутила тихо, метко, без предупреждения, так, что ты сначала моргала, а потом смеялась, потому что до тебя доходило.

Фрея, Мейв и Дэниз были давно знакомы, я знала это из обрывков разговоров, которые они роняли между делом, никогда не объясняя, потому что для них это было так же очевидно, как дыхание. Они были не семьёй по крови, а семьёй по выбору, той, которую фейри выбирают редко и всерьёз. Дэниз шутил, Мейв молчала, Фрея наблюдала, в этом треугольнике каждый знал своё место.

Призывание зверей Фреей не было магией в том смысле, в каком Люциус управлял водой, или Кейлит открывал порталы. Она не чертила круги, не произносила заклинаний. Просто позвала, и звери шли. С детства она убегала в лес, не слушая родителей, которые боялись, что их девочку разорвёт что-нибудь с клыками и плохими манерами. Но Фрея не боялась. Для неё лес был понятнее дома, а звери логичнее фейри. Звери не врали, не улыбались, когда хотели укусить. Не говорили «всё хорошо», когда всё плохо. Они были честными, а Фрея ценила честность выше всего.

Сова на её плече повернула голову и посмотрела на меня одним жёлтым глазом. Фрея улыбнулась краем рта, одними губами, и почесала сову за ухом.

— Дэниз, — сказала я, — ты вообще спал сегодня?

Воин лежал у костра, руки за головой, меч рядом на расстоянии вытянутой руки, как всегда. Он не спал. Я видела, что не спал: дыхание было не то, слишком тревожное для того, кто спит.

— Нет, — ответил он, не открывая глаз. — Думал.

— О чём?

— О том, что мы лезем в неприступную тюрьму, чтобы вытащить Люца. Трое фейри и одна человеческая женщина, без магии, внутри крепости она бесполезна. И я не могу понять, почему мне это нравится.

— Потому что это безумие, — сказала Мейв. Она сидела чуть в стороне и точила меч, уже третий раз за вечер, просто чтобы руки были заняты. Движения у неё были такие, что даже в спокойствии казались готовыми к прыжку. — А ты любишь безумие.

Дэниз усмехнулся.

— А ты нет?

— Я люблю, когда план работает. Пока что у нас есть только план. Это разные вещи.

Фрея встала, отряхнула колени. Она умела управлять животными, и на её дар был нашим главным козырем.

— Первая сова вернулась. Юго-западная стена — два часовых, северная — один, у ворот — еще один. У входа в башню — пятый. Смена караула, похоже, на рассвете и на закате.

— Пятый у башни? — переспросила я.

— Пятый сидит у двери. Не уходит.

Я достала из сумки блокнот и сделала ещё пометки. Карандаш скрипел по бумаге, и этот звук казался слишком громким в наступившей тишине.

— Пятый у башни — значит, дверь заперта, — сказала я. — И ключ не у него в кармане, а где-то в системе. Охранники никогда не доверяют ключи кому-то одному, дубликат у коменданта или в караулке.

— То есть нам нужен ключ, — сказал Дэниз.

— Нам нужен весь стражник, — поправила Мейв. — Вместе с ключом и формой.

— Нет, — сказала я. — Нам нужны двое стражников. Не из ночного караула, а из тех, кто сегодня свободен. Они пойдут в таверну. Стражники пьют, не все, но в пограничных крепостях точно.

Фрея подсела к огню, и пламя осветило её лицо, косички, небольшой, еле заметный шрам на скуле, внимательные глаза.

— Откуда ты знаешь?

— Из книг, сериалов, фильмов — просто поверь мне. Отдалённые гарнизоны это не столичная гвардия. Здесь скучно, далеко от двора, и эль в ближайшей таверне — единственное развлечение. Я читала мемуары одного перебежчика, он писал, что в его гарнизоне половина стражников напивалась каждую ночь, а комендант делал вид, что не замечает, потому что и сам пил.

Дэниз открыл глаза и посмотрел на меня. В его взгляде было что-то, чего я не ожидала увидеть: не сомнение, а что-то похожее на страх.

— Книги, — сказал он. — Мы ставим жизнь Люциуса на то, что ты прочитала в какой-то книге, мемуарах. Ты серьёзно?

— У тебя есть план получше? И вообще, не в какой-то, а в сотнях, и они сходятся. Что люди, что фейри — грехи у всех одни.

Он смотрел на меня ещё секунду, и я видела, как в нём борются два желания: довериться и отступить. Довериться было страшно. Отступить невозможно.

— Дэниз, ты отправишься со мной в таверну, — сказала я.

— Ладно. И что мне делать в этой таверне?

— Проигрывать, — ответила я. — В карты, на выпивку, специально.

— Проигрывать? — он приподнял бровь. — Ты вообще видела, как я играю?

— Я видела, — рассмеялась Мейв. — Ты ужасен.

— Это идеально, — улыбнулась я.

Мейв фыркнула, даже Фрея улыбнулась, но я видела, что за этой улыбкой прячется напряжение. Мы все понимали: завтра — или получится, или нет. И от того, как я сыграю свою партию, зависело всё.

Таверна называлась «Серебряный жёлудь» — низкое каменное здание с соломенной крышей, привязанными у вхо-

да оленями и запахом прокисшего медового вина, который я ощутила за двадцать шагов. Внутри, естественно, только фейри. Острые уши, бледные лица, тихий говор на наречии, которое я понимала, но с трудом. Я единственный человек на много миль вокруг, и это значило, что войти в таверну для меня всё равно что войти в логово. Поэму я натянула капюшон плаща до самого носа. Надо просто не привлекать внимания.

Я вошла первой. Села в угол, раскрыла книгу, заказала настойку на травах. Никто не посмотрел на тихую странницу с книгой. Это, если подумать, моё главное оружие, я выгляжу так, будто не представляю интереса.

За соседним столиком сидели двое. Один немолодой, с обветренным лицом и руками в мозолях, говорил тихо, но в его голосе была тревога. Второй, молодой, слушал и качал головой.

— Говорю тебе, они не пили, — сказал первый. — Лодка была пустая. Ни сетей, ни удочек. Только весло, и то переломанное. А рыбаки пропали. Все трое.

— Да ладно тебе, — отмахнулся второй. — Они просто напились и утопли. Или им русалки померещились. С кем не бывает.

— Русалки не утаскивают лодки, — сказал первый, и голос его стал тише. — Русалки не переламывают вёсла. Это было что-то другое.

Второй хмыкнул, но как-то неуверенно.

— Только кто его видел? Никто. Только тени под водой. А тени — они и есть тени. Может, это просто рыба. Большая рыба.

— Рыба не оставляет следов на песке, — сказал первый.

Второй открыл рот, чтобы что-то ответить, но я уже не слушала. Дверь таверны скрипнула, и на пороге появился Дениз — громкий, растрёпанный, с той самой ухмылкой, которая всегда означала, что он собирается устроить представление. Он хлопнул трактирщика по плечу так, что тот чуть не уронил кружку, и голос его разнёсся над столами, перекрывая гул:

— Эй, хозяин! Тут вообще можно заработать честным трудом, или только пить?

Трактирщик, старый фейри с длинными пальцами и недовольным лицом посмотрел на него как на проблему.

— А ты что умеешь?

— Махать мечом. Пить. Играть в карты. Не обязательно в таком порядке.

Кто-то за дальним столом хохотнул.

Дэниз огляделся и как по писаному, увидел двоих стражников. Те сидели у стены, без доспехов, туники тёмно-зелёного цвета с серебряной нашивкой в виде луны. Не в карауле, судя по всему. Один крупный даже для фейри, с широким лицом и татуировкой на скуле, ветвящийся узор, обозначающий принадлежность к приграничной страже. Второй худой, жилистый, с длинными пальцами и рассеянным взгля-

дом. На столе перед ними лежали игральные карты, и они лениво перекидывались в какую-то не знакомую мне игру.

Дэниз подсел к ним без приглашения.

— Парни, вы играете? А то я третий день в этой глуши, и руки чешутся.

Крупный смерил его взглядом. Фейри не любят чужаков, особенно из других земель. Но Дэниз почти свой, соседние земли, и это уже половина дела. Вторая половина — обаяние, которое у него работает лучше, что либо.

— Какие земли? — спросил крупный. Не враждебно, уточнил.

— Тёмные берега, — ответил Дэниз. — Но пью не хуже Берегоморцев.

Худой усмехнулся. Это было хорошо.

— Ставки? — спросил крупный.

— Простые, — сказал Дэниз. — Проигравший ставит кружку.

Крупный кивнул на свободный стул.

Я наблюдала из своего угла. Дэниз проиграл первую партию честно, я видела, он сбросил хорошую карту. Худой выиграл. Кружка медового вина на Дэнизе. Он выпил, крякнул, хлопнул по столу.

— Ещё!

Вторая партия и снова Дэниз проигрывает. На этот раз крупный. Ещё кружка.

Третья. Дэниз «ошибается», оставляя карту на столе. Ху-

дой хватает её, смеётся. Ещё кружка.

Я считала. Крупный выпил четыре кружки. Худой пять. Дэниз полторы, потому что половину вылил под стол, когда они отвлекались. Я видела, как он это делает, поворачивается к трактирщику, кричит «Ещё!» и выплёскивает содержимое кружки за стойку. Когда трактирщик ставит новую, она уже «початая».

Карты Дэниз держал так, будто не умел. Карточный игрок смотрит на карты, держит их близко, не показывает эмоций. Дэниз хлопал ими по столу, ругался, показывал всем. Это бесило и веселило одновременно.

— Ты худший игрок, которого я встречал, — сказал крупный, уже заметно заплетаясь языком.

— Я худший игрок, которого я встречал, — согласился Дэниз.

Худой хохотал, откинувшись на спинку стула. Он был уже пьян, это тот тип пьянства, когда всё смешно и мир становится тёплым.

К закрытию, а трактирщик выпроводил всех около второго часа ночи — оба стражника еле стояли на ногах. Крупный шёл ровно, но медленно, как будто каждая нога весила вдвое больше обычного. Худого пошатывало, он опирался на товарища.

Дэниз расплатился, помахал им рукой.

— Завтра ещё? — крикнул он им вслед.

— Ты, что мало проиграл? — буркнул крупный.

— Мне всегда мало!

Оба засмеялись и вышли.

Дэниз задержался у стойки, допил последнюю кружку, теперь по настоящему и вышел. Я собрала книгу и вышла следом. Не вместе с ним, через другую дверь, через двор. Мы не знали друг друга. По крайней мере, для всех в таверне.

Я ждала за старым дубом на повороте дороги. Место было идеальное: кусты с обеих сторон, ни одного окна с огоньком в радиусе ста шагов, а луна скрылась за облаками. Послышались шаги двоих. Один тяжёлый и медленный, второй неровный, шаткий.

— Знаешь, что меня бесит? — говорил худой. — Что ты каждый раз выигрываешь на последней руке.

— Я не выигрываю, — отвечал крупный. — Тот болван проигрывает.

— Это одно и то же.

— Нет. Разное.

Они прошли мимо дуба. Дэниз вышел из-за куста справа — быстро, тихо, без слов. Крупный не успел обернуться: удар рукоятью кинжала по затылку, мягко и расчётливо, не чтобы убить, а чтобы выключить. Он грузно осел.

Худой обернулся, пьяно моргая.

— Что...

Дэниз поймал его за плечо и прижал к стволу дерева. Тот пытался сопротивляться, но от него несло выпивкой на расстоянии трёх шагов. Второй удар — и он тоже лёг.

Мы быстро их раздели. Тёмно-зелёные туники с серебряной луной, плащи, сапоги. У крупного на поясе была связка ключей. Три ключа: два маленьких, один большой, тяжёлый, с ручкой в виде переплетённых ветвей.

Я выбежала с верёвкой. Руки тряслись, но я быстро завязывала узлы — научилась в школе на кружке макраме. Кто ж знал, что мне это пригодится в жизни, да ещё при таких обстоятельствах.

— Живы? — шёпотом спросила я.

— Да, — Дэниз проверил пульс на шее. — Проснутся часов через шесть-семь. Голова болеть будет, но это уже не наша проблема.

— Вот он, — сказала я. — Этот от башни.

— Откуда ты знаешь? — спросил Дэниз.

— Потому что дверь башни большая и дубовая, с накладным замком. Сова Фреи видела его, когда облетела крепость и передала информацию. Замок старый, дверь тяжёлая, ключ должен быть большим. Два маленьких скорее всего от караулки и склада. Нам они не нужны.

Дэниз посмотрел на меня. В темноте я не видела его глаз, но чувствовала, что он улыбается.

— Мари, если мы выберемся, я куплю тебе все книги в мире.

— Только не фэнтези. Хватит с меня реальности.

Мы привязали стражников к большому дереву, подальше в кустах, связали им руки за спиной, заткнули рты кляпами.

Когда всё закончится, их обязательно хватятся и будут искать.

Утром, когда мы снова собрались все месте, Фрея вызвала крысу.

Это было, если честно, не очень поэтично. Обычная серая крыса с чёрными глазками-бусинками и голым хвостом сидела на ладони Фреи и шевелила усами. Я не люблю крыс.

Я написала записку на клочке бумаги, мелким почерком, таким, чтобы поместилось на обрывке бумаги размером с ноготь.

«Полночь. У двери будет кто-то в форме стражника. Цепь — отмычка в свёртке. Не зови. Жди. М.»

Просто М. Он поймёт.

Отмычку Мейв заказала вчера у кузнеца в деревне. Сказала, что замок на сундуке заел. Кузнец, старый бородатый фейри, не задавал вопросов. Отмычка была тонкая, стальная, с загнутым концом. Всё должно сработать, Дэниз сказал что Люциуса заковали в магические кандалы, но раз в тюрьме магия не работает, там они станут обычной железкой, которая подчиняется законам физики, а не магии. Я обмотала отмычку и записку тряпкой, привязала к телу крысы тонкой веревочкой.

Фрея держала крысу на ладони и смотрела на неё так, как смотрят на кого-то, кому поручаешь самое важное.

— Ты понимаешь? — спросила она у крысы.

Она кивнула, или мне показалось.

— Башня, — повторяла Фрея задание. — Верхнее окно. Щель под дверью. Найти своего. Отдать.

Крыса спрыгнула с ладони и исчезла в траве. Через секунду я увидела её голый хвост, мелькнул и пропал.

Фрея посмотрела на меня.

— Дойдёт.

— Откуда ты знаешь?

— Не знаю. Но крысы никогда не отказываются.

Остаток дня мы готовились. Мейв мерила форму, туника крупного стражника была ей впору, капюшон плаща скрывал лицо. Дэниз ждал с верёвкой, проверял узлы. Фрея медитировала, призыв животных потребует много сил, она предупредила, что больше пяти-шести вызовов за ночь не потянет. Я перечитывала записи и молилась всем богам, чтобы отмычка подошла. Чтобы мой план сработал.

За час до полуночи Фрея выпустила последнюю сову.

Та вернулась через двадцать минут. Фрея закрыла глаза, прислушиваясь к чему-то, что сова не могла сказать словами, но что Фрея умела слышать.

— Двое на южной стене. Один у ворот. Один у башни. Один на северной стене. Все на местах.

— Кабаны? — спросил Дэниз.

Фрея кивнула. Она стояла на краю леса, лицом к крепости. Луна скрылась — хорошо. Я смотрела на неё и видела, как напряглись её плечи. Призыв это не заклинание из книг. Это что-то глубже, что-то изнутри.

Земля загудела от топота копыт.

Из-за деревьев, мимо нас, с рёвом и хрустом веток пронеслось стадо кабанов. Крупные, тёмные, с дикими глазами и белыми клыками. Они неслись к южной стене крепости как живая лавина.

Со стен закричали.

— Что это?! Кабаны! Закрывайте ворота!

— Откуда их столько?!

— Свет! Несите свет!

Стражники на южной стене вскинулись. Я видела как далеко, в мерцании факелов тёмные силуэты метнулись к воротам. Патрульный с северной стены побежал вниз. Часовой у входа в башню обернулся на шум, сделал шаг в сторону ворот.

— Сейчас, — скомандовала я.

Мейв, в тунике стражника, с капюшоном на лице и связкой ключей на поясе, вышла из леса и пошла к крепости, к участку стены слева от них, где тень от башни падала на землю. Она шла быстро, но не бежала. Бегущий вызовет подозрение. Идущий — нет.

Я смотрела и не дышала.

Стражник у башни крикнул: «Эй!» — но не Мейв. Он кричал в сторону ворот, где кабаны проносились мимо стен. Мейв проскользнула мимо него в трёх шагах. Он не повернулся. Зачем? Ещё один зелёный плащ в темноте, кто-то их своих.

Мейв дошла до двери башни. Я видела как она перебирает ключи. Замок щёлкнул, дверь открылась, и Мейв вошла.

Я закрыла глаза.

— Пожалуйста, — прошептала я. Не знаю кому. Может, Люциусу чтобы он был готов, чтобы отмычка подошла, чтобы кандалы были тем, чем я их считала — обычным металлом с обычным замком.

В крепости магия не работала, я знала это со слов Дэниза и собственных догадок, построенных на знаниях из прочитанных книг. Книги говорили, что крепости фейри строились с антимагическим контуром, чтобы заключённые не могли сбежать с помощью магии. Я поставила на это всё. Если я ошиблась, если кандалы работают не на механизме, а на чём-то, что я не учла, Люциус останется в цепях, а Мейв в башне.

— Мари, — шепнул Дэниз. — Смотри.

Я открыла глаза.

Из двери башни вышли двое. Один в плаще стражника, Мейв. Второй без плаща, в рубахе, с бледным лицом и тёмными волосами. Он шёл сам, своими ногами. Цепей не было.

Люциус.

Они дошли до стены. Дэниз уже был там, с верёвкой. Перекинул через парапет. Люциус перелез первым с большим трудом, ведь он просидел в цепях несколько дней. Мейв следом..

Через минуту они были в лесу. Дэниз бежал последним,

с мечом наготове.

Фрея отозвала кабанов. Те разбежались по лесу, как будто их никогда и не было. Совы улетели. Крепость зашумела, стражники бегали по стенам и кричали. На эмоции не было времени, это еще не конец, утром объявят погоню, мы должны скрыться как можно дальше, пока у нас было время.

Стражники найдут пустую камеру на рассвете, открытые кандалы, открытая дверь, два связанных товарища без формы в кустах. Ни магии. Ни крови. Ни следов.

Мы вскочили на ящериц, времени на передышку и эмоции не было. Я забралась на Морру и почувствовала, как её тело напряглось подо мной, готовое к бегу. Своенравная, упрямая, она фыркала, когда я садилась не так, косилась жёлтым глазом, когда я нервничала. Но ни разу, ни разу меня не сбросила, ни разу не подвела. И за это я любила её, кажется, сильнее, чем следовало любить ящерицу.

Рюкзак с Геральтом привязали прямо к седлу, чтоб он не свалился по дороге, кота в нём кидало из стороны в сторону, и он затих, вцепившись когтями в дно. Морра недовольно фыркала, бегать ночью в темноте она не любила, но слушалась. Люциус вскочил на свою, тёмно-зелёную рядом. Я видела, как он устроился в седле, медленно и осторожно, будто каждое движение отдавало ему болью. Он не успел заметить, что я здесь. Смотрел вперёд, в темноту леса.

— В разные стороны! — крикнул Дэниз. — Запутываем следы! Встречаемся у реки!

Мы рванули. Ящерицы неслись сквозь лес, ломая кусты, взрывая когтями землю, ветки хлестали по лицу. Я пригнулась к шее Морры, вцепилась в седло и прикрыла глаза, только чувствовала, как ветер свистит в ушах, как подо мной напрягаются и расслабляются мощные мышцы. Где-то справа мелькали ещё три — Дэниз, Люциус и Мейв, потом одна свернула в сторону, и топот затих в другом направлении. Фрея ушла влево, я видела её спину, косички, лук за плечами, и растворилась между деревьями.

Мы разъехались, как было задумано. Четыре следа вместо одного. Четыре пути, которые нужно распутать.

Через несколько часов лес начал меняться, деревья стали ниже, почва мягче, и в воздухе появился запах воды: холодной, свежей, с привкусом тины. Река. Морра замедлила ход, когда её лапы коснулись воды, и дальше пошла медленно, шаг за шагом, погружаясь по брюхо. Течение смывало следы, вода затягивала отпечатки, и я чувствовала, как напряжение понемногу отпускает, по капле. Теперь нас не найти, мы просто рябь на воде.

Мы вышли из реки в разных местах, я одна, чуть выше по течению, Дэниз и Люциус в полукилометре ниже. Мейв ещё ниже. Фрея уже была на другом берегу. Ящерицы выбрались на берег мокрые, тяжёлые, отряхивались, как собаки, и вода стекала с их чешуи серебряными струйками. Встретились на условленном месте, маленькой поляне, скрытой от глаз стеной ивы и густым кустарником.

Люциус сидел на земле, прислонившись спиной к стволу. Мокрый, бледный, с тёмными кругами под глазами. Рубаха на нём была порвана, на запястьях следы от кандалов: багровые, воспалённые полосы. Он поднял голову, когда мы подошли, и наши взгляды встретились. В его глазах не было ни радости, ни облегчения, только усталость.

А потом они расширились так, будто он увидел призрака.

Он смотрел на меня и не верил. Я видела это по тому, как застыли его плечи, как пальцы впились в землю, как он чуть подался вперёд и замер, будто боялся, что я исчезну, если он пошевелится.

— Ты, — сказал он хрипло. — Подписалась «М». Я думал, это Мейв.

Я стояла и смотрела на него, и внутри меня всё рвалось на части одновременно от счастья, что всё получилось, что он жив, и от боли и обиды, которые всё ещё плескались в глубине моей души.

Я не бросилась к нему, хотя одна часть меня вопила, желая этого. Подошла медленно, и остановилась в двух шагах, ближе не смогла. Он смотрел на меня снизу вверх с земли, где сидел, прислонившись к стволу и кажется, не верил, что я реально стою здесь, перед ним, так медленно он моргал, а глаза его округлились.

— Ты вернулась, — сказал он, голос сорвался.

— Да. — Я слышала, как ровно звучит мой собственный голос, и удивлялась этому. — Я узнала, что тебе грозит опас-

ность и пришла.

Он молчал. Смотрел на меня, и я видела, как он пытается понять, что стоит за этими словами. За моим ровным голосом. За тем, что я не подошла ближе.

— Мари...

— Не сейчас. — Я покачала головой. — Не здесь, не при всех.

Он понял и кивнул, в этом кивке было всё: он знал, что я не простила, знал, что между нами всё ещё стоит то, что он сделал. И знал, что сейчас не время и не место.

Я хотела подойти. Хотела опуститься рядом, обхватить его за шею, прижаться так крепко, чтобы рёбра хрустнули, и не отпускать. Но я не могла, потому что помнила. Помнила, как он молчал, когда я спрашивала о помолвке, как смотрел на меня своими тёмными глазами и не говорил ни слова. Помнила, как он не сказал мне правду о Сильрии, будто она была просто приятельницей из прошлого, а не той, с кем он… Нет. Не хочу об этом. Он не сказал мне ни слова о том, что между ними было. Ни намёка, ни предупреждения. Просто позволил мне поверить, что это был лишь договор отцов. И даже то, что он разорвал помолвку, не отменяло того, что он так долго врал мне. Доверие между нами было подорвано.

— Нам надо ехать дальше. — сказал Дэниз,

Я обернулась. Он стоял у дерева, скрестив руки на груди, и в лунном свете его лицо казалось высеченным из камня.

— Погоня ещё не началась, — продолжил он. — Но она

определенно будет. Крепость скоро поднимет тревогу, и к полудню по нашему следу пойдут лучшие охотники Андерса. У нас есть несколько часов, шесть, максимум восемь, чтобы уйти как можно дальше. И этого мало.

Он помолчал, глядя на нас, на меня, на Люциуса, на Фрею и Мейв, которые стояли в стороне и слушали.

— Мы вытащили тебя из крепости только благодаря Мари и её плану. Это было безумие, но у нас получилось. А теперь у нас новая проблема: мы нажили себе врага в лице князя Берегоморья. И этот враг не прощает. Он не остановится, пока не найдёт нас. Всех. Мы не можем вернуться в Тёмные Берега, у нас нет армии, остатки отряда — в замке. Мы трое, один раненый фейри, один кот и одна человеческая женщина.

— Ты что, притащила с собой кота?

Геральт мяукнул из рюкзака — громко, отчётливо, будто отвечая на его вопрос. Люциус приподнял бровь.

— Вообще-то не притащила, — сказала Фрея с улыбкой на губах, — Он сам решил отправиться за хозяйкой, чтобы она снова не вляпалась в неприятности.

Мы все засмеялись — тихо, устало, но искренне. Даже Люциус, который секунду назад смотрел на кота как на что-то, чего он не ожидал увидеть в этом мире, усмехнулся, коротко, лишь уголком губ, но усмехнулся. Мейв фыркнула, Дэниз покачал головой, а Геральт, будто поняв, что стал центром внимания, начал царапать рюкзак, просясь на свободу, я помогла ему выбрался, и он усевшись на землю начал умы-

ваться с таким видом, будто всё это было частью его плана с самого начала.

Я смотрела на них, на этих фейри, которые смеялись над моим котом, на Люциуса, который смотрел на меня так, будто всё ещё не верил, что я здесь, и чувствовала, как меня отпускает. Мы были живы. Мы были вместе. И пока это так, у нас был шанс.

— Ладно, — сказал Дэниз, смех в его голосе угас, уступая место той самой серьёзности, которая не покидала его с момента, как мы вышли из крепости. — Хватит веселья. У нас осталось несколько часов до рассвета. Нам нужно решить, куда мы едем и что делаем дальше.

Глава 5. Дорога

Мы сидели в темноте — все пятеро, плюс кот, и решали, куда ехать дальше. Костёр не разводили: огонь видно издалека, а нам меньше всего нужно было, чтобы кто-нибудь заметил свет между деревьями. Ели холодное — хлеб, сыр, вяленое мясо из запасов Маргареты, запивая водой из фляг. Говорили шёпотом, хотя вокруг на много миль не было ни единой живой души.

Люциус молчал дольше всех. Сидел, прислонившись к стволу, смотрел в землю и, казалось, не слышал нашего разговора. Но когда Дэниз предложил идти на юг, к морским лордам, — поднял голову.

— Нет, — сказал он. — Не на юг. В столицу.

Геральт, который дремал у меня на коленях, дёрнулся,

распахнул глаза и уставился в темноту, туда, где сидел Люциус. А потом громко заорал — с надрывом, на весь лес. Дэниз замер с флягой в руке. Мейв положила ладонь на рукоять.

— Тихо ты! — зашипела я, зажимая ему морду. — Ты с ума сошёл? Мы полчаса шептали, чтоб нас не услышали!

Он вывернулся, отошёл на шаг, сел и заорал снова. Уже тише, но упрямо.

— Чего это он? — медленно спросил Дэниз, не сводя с кота глаз.

Фрея нахмурилась, как будто прислушиваясь. Потом её брови поползли вверх.

— Он говорит… — она запнулась и наклонилась к коту. — Он говорит, что это очень плохая идея.

Секунду было тихо. Потом Дэниз хохотнул.

— Кот высказался. Замечательно. У нас теперь есть оппозиция.

— Он очень настойчив. «Очень плохая идея» — и это всё, что я смогла вытащить. Дальше одни образы. Огонь, вода, бегущие тени. Странно, обычно коты думают в основном о добыче…

Люциус глядел на Геральта пару секунд. Чуть дольше, чем требовалось, чтобы решить, что кот просто спятил. Потом отвернулся.

— К дяде, — сказал он, и я увидела, как в его глазах что-то сместилось: усталость никуда не ушла, но под ней проступило другое — твёрдое, как камень. — Я должен рассказать

ему о том, что затевают отец и Андерс.

Он помолчал, глядя в темноту, потом заговорил снова — медленно, будто вытаскивал слова откуда-то из глубины, из места, куда сам не любил заглядывать.

— Когда Бравэн пришёл за мной с отрядом, он не просто требовал, чтобы я вернулся. Он много говорил. Слишком много для того, кто пришёл арестовывать. Сказал, что скоро всё изменится. Что мне будет выгодно оказаться с ними на одной стороне. Что бы я ни хорохорился, другого выхода у меня всё равно не будет. Что этот брак необходим.

Он поднял голову и посмотрел на нас по очереди, будто проверяя, готовы ли мы услышать продолжение.

— Я тогда не придал значения. Думал, пустые угрозы. Но сейчас… — он остановился, и пауза вышла длиннее, чем следовало. — Сделка о браке была заключена сотню лет назад. Отец и Андерс готовили это с тех пор, как я был ребёнком. Они не просто ждали. Они планировали. И если советник говорил, что «скоро всё изменится», значит, у них есть план. И этот план не про свадьбу.

Тишина. Только ветер в ивах, только река за деревьями, только наше дыхание в темноте.

— Ты думаешь, они готовят переворот? — удивился Дэниз.

— Я думаю, они готовят что-то, для чего нужен брак. Что-то, для чего нужен я. И это что-то начнётся очень скоро.

Он взглянул на меня. Я не знала, что он ищет в моём лице,

но, наверное, что-то нашёл, потому что чуть кивнул.

— У меня нет доказательств, — добавил он. — Ни одного. Только слова советника и собственные подозрения. Но дядя должен поверить. Он мудр, он поймёт. И если я расскажу ему всё — про отца, про Андерса, про то, что они затевают, — он сможет подготовиться. Сможет остановить их до того, как станет поздно.

Фрея переглянулась с Мейв. Мейв пожала плечами — коротко, едва заметно.

— Это риск, — сказала Фрея. — Если князь не поверит — ты окажешься в непростой ситуации, твои слова могут посчитать клеветой.

— Знаю, — ответил Люциус.

— И всё равно хочешь идти?

— Да.

Дэниз вздохнул, отставил флягу и потёр лицо ладонью. Он выглядел уставшим как и все мы, — но в его голосе не было сомнения.

— Ладно, — сказал он. — В столицу так в столицу. Но если всё пойдёт не по плану, я первый скажу «я же говорил».

Я кивнула, но мысли мои были далеко от столицы и от планов. Я смотрела на Люциуса, на его профиль, на то, как он сидит, прислонившись к стволу, и не знала, что будет дальше. Будем ли мы снова вместе? Были ли мы вообще когда-нибудь по-настоящему вместе? Или это всё было иллюзией? Я не знала ответов на эти вопросы, и от этого незна-

ния внутри было пусто и тихо. Но всё это позже. Сейчас надо было решать, что делать дальше, а поскольку своего плана у меня не было, я просто пошла за всеми.

— Тогда решено, — добавила я. — Идём в столицу.

Геральт мяукнул, я оторвала кусочек вяленого мяса и покормила его.

Путь до столицы должен был занять несколько дней. Лес вокруг стоял стеной: стволы высокие, тёмные, с корой, которая на ощупь казалась тёплой, как кожа спящего зверя. Ветви смыкались над головами в плотный шатёр, и сквозь него пробивались редкие лучи — мягкие, зеленоватые, словно сам лес светился изнутри. Мох под ногами ящериц пружинил и слабо мерцал, вспыхивая бледными искрами при каждом шаге.

Чем дальше мы уходили на восток, тем светлее становилось вокруг. Деревья редели, уступая место другим, более молодым, с прозрачными, почти стеклянными листьями, которые звенели на ветру, как колокольчики. В воздухе стоял запах тёплой смолы и чего-то сладкого, и временами, когда мы останавливались, я слышала шёпот. Не слова, просто дыхание, тихое, размеренное, будто сами деревья переговаривались между собой. Дэниз говорил, что старые деревья помнят всех, кто проходил мимо, и не любят тех, кто идёт с дурными мыслями. Я не знала, шутит он или нет, но старалась ступать тише.

На одной из стоянок, когда мы остановились на ночлег,

Дэниз спрыгнул с ящерицы, потянулся так, что хрустнули плечи, и сказал:

— Всё, больше не могу. Надо размяться.

Дэниз посмотрел на Люциуса. Тот сидел на земле, у дерева, и разминал запястья — медленно, круговыми движениями, как будто проверял, слушаются ли они ещё. На коже, под рукавами рубашки, всё ещё виднелись полосы от кандалов.

— Ты слишком много времени провёл без движения в той башне, небось уже забыл, как меч в руках держать.

Они вышли на поляну, недалеко от того места, где я разводила костёр. Я видела их краем глаза: сначала просто силуэты, потом, когда они скинули рубашки и остались по пояс раздетыми, — уже не просто силуэты.

Они оба были красивы, но по разному, прекрасно сложены, с развитыми мускулами.

У Люциуса была чешуя на плечах и предплечьях, переливающаяся в свете заходящего солнца синим и серебряным, узкая талия, четко очерченные кубики пресса, сильные руки, мышцы, которые двигались под кожей плавно, как вода. Дэниз был шире в плечах, тяжелее, с шрамами на боку и на спине, которые я раньше не замечала.

Они стояли друг напротив друга, с мечами в боевых стойках. Начали медленно — пробные удары, ленивые выпады, потом быстрее, ещё быстрее, и вот уже клинки со свистом рассекали воздух, и я перестала следить за костром, потому что смотреть было на что. Люциус двигался так, как двигал-

ся всегда: экономно, точно, без единого лишнего жеста, каждый удар был необходим, каждое движение выверено. Дэниз двигался шире, размашистее, с выпадами в стороны, с шутками, которые он бросал между ударами, и его тело откликалось на каждое движение, я видела, как напрягаются и расслабляются мышцы, как перекатываются под кожей, как пот стекает по широкой спине, по его груди.

Люциус отвечал тем же, не словами, а выпадами. Они смеялись по-настоящему, так, как смеются двое, которые знают друг друга давно и которым не нужно ничего доказывать. В этом смехе, в этих движениях, в этих полуобнажённых телах, блестящих от пота, было что-то такое, от чего у меня пересохло во рту.

Я смотрела, и понимала, что смотрю, и не могу оторвать глаз. Каждое движение отзывалось в его теле, в плечах, в спине, в руках, которые держали меч. Пот блестел на коже. Свет заходящего солнца очерчивал каждую линию, каждую впадинку, каждый изгиб. Я смотрела на Люциуса, как смотрят на картину или древнюю статую в музее, с тем же благоговейным чувством.

И в этой тишине, где оставался только он и его движения, в голову лезли мысли, от которых хотелось зажмуриться. Мы ещё не помирились. Мы даже не поговорили толком, я просто вытащила его из башни, и между нами теперь висело всё то, что мы оба не решались произнести. Но, чёрт побери, как он был хорош. Как же он был хорош, и эти мысли не давали

мне покоя, цеплялись за каждую линию его тела, за каждый выпад, за то, как перекатывались мышцы под кожей…

«Так, всё, хватит пускать слюни, соберись!» сказала я себе мысленно.

Но потом я заметила, что наблюдаю за ними не одна.

Мейв сидела на поваленном дереве в тени и смотрела. Не так, как смотрят на тренировку. Не так, как оценивают технику или выправку. По-другому. С тем же наслаждением, с которым я смотрела на них, только направленным в другую точку. На Дэниза. На то, как он двигается, как вытирает лоб, как ухмыляется после особенно удачного выпада.

Или мне показалось. Может, это просто спортивный интерес. Может, она оценивала, кто из них лучше.

Мейв не выдержала.

Она молча встала, без предупреждения, вытащила оба меча из-за пояса и пошла в наступление. Люциус отступил, поднял руку, и Дэниз остался один с новым соперником.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.